

ВЛАДИМИР ГАЛКИН

СИБИРСКИЙ ЧЕРВОНЕЦ

Часть 1

18+

Владимир Галкин

Сибирский червонец

«Автор»

2026

Галкин В.

Сибирский червонец / В. Галкин — «Автор», 2026

ISBN 978-5-6056142-1-0

Сибиряк Сергей Голышкин едет в Санкт-Петербург, чтобы стать великим художником. Но вместо Академии художеств судьба сталкивает его с изнанкой столицы — и его талант находит совсем иное применение: подделку денег. Ускользнув от полиции, Сергей возвращается в родные сибирские края, где находит богатое месторождение золота, и под прикрытием налаживает опасный промысел. Вот только дело перерастает его самого — а рядом поднимается Ада, старшая дочь его петербургской хозяйки, выросшая на самом дне и не знающая жалости. «Сибирский червонец» — мрачная историческая сага о криминальной России на рубеже 19-20 веков: о таланте, проданном за выживание, о настоящем и фальшивом золоте и о женщине, что поднимается со дна до самых верхов.

ISBN 978-5-6056142-1-0

© Галкин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Галкин

Сибирский червонец

...люди как люди... Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны — из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота.

Михаил Булгаков

Глава 1

Юный Серёжа Голышкин стоял на Английской набережной, недалеко от Зимнего дворца, смотрел на противоположный берег Невы, не отрывая восхищённого взгляда от архитектурного ансамбля Императорской Академии художеств. В глазах наворачивались слёзы. Родной Томск с купеческими теремами, украшенными ажурной резьбой, блекнул в его сознании, казался серым, захолустным. От досады он плюнул в реку: «А чёрт с ними!» В этом громадном городе он был совсем один. Прибыл в Петербург из далёкой Томской губернии. Там, в небольшом селе, выучился на богомаза. «Вот оно — настоящее искусство!» — думал он, глядя на ансамбль.

Сергей брёл к Сенной площади. Неподалёку от неё он снимал каморку у многодетной тётки Матрёны, промышлявшей хранением краденого. Воры из своей добычи выделяли ей малую долю деньгами, но в основном одеждой. Случалось, воры, забравшись в квартиру, где особо нечем было поживиться, не брезговали и детскими вещами, так что четыре дочери Матрёны одеты были прилично, что давало ей повод говорить: «Я не какая-нибудь, я для детей — всё!» На старших девчонок уже поглядывали мужчины. Сама бывшая труженица панели, чудом избежавшая венерических болезней, готовила дочерей для богатых клиентов.

— Над нашей сестрой смеются, унижают, — рассуждала Матрёна. — А немало барышень-дворянок и по-французски, и по-немецки, и на портфелях брянькают, а живут впроголодь. И мужья ихние к нашей же сестре бегают. Ежели девица свежа да пригожа, состоятельному господину приглянется, тому ничего не стоит на содержание взять, а коли совсем невинная, бывало, и «взамуж» берут.

Двух старших дочерей, четырнадцати и шестнадцати лет, молодые воры лишили невинности. Мать только ахнула, обозвала дочерей «сучками» и стала продавать старших зажиточным петербуржцам. Деньги несла в банк, объясняя: «Это на приданое».

Молодому Голышкину надо было на что-то жить, художественное ремесло не кормило: «творцов» с мольбертами на улицах Петербурга сидело множество, каждый чуть ли не хватал прохожего за рукав: «Господин, желаете, увековечу?» Бывали даже драки из-за удачного места. Однажды его побили, приставив к горлу шило. Ничего не оставалось, как за кусок хлеба и за прожитьё в каморке помогать хозяйке: мыть полы, зазывать клиентов. Иногда он писал маслом обнажённых девчонок в особых позах — хозяйке нравилось.

Приходили два молодых вора расслабиться. Голышкин прислуживал и им. Увидев его потрёпанный вид, воры принесли ему почти новый сюртук, штаны и ещё не стоптанные башмаки, сказали: «Отработаешь!» Примкнув к ним, несколько раз стоял на «шухере¹». Однажды осведомители сообщили ворами, что в одной из ювелирно-гравёрных мастерских клиенты часто сдают изделия в ломбард. Хозяева, люди дюже зажиточные, после рабочего дня выходят из мастерской и, заперев металлическую дверь на множество замков, до утра покидают здание. Мастерская и ломбард на ночь остаются без присмотра. А что замки — ерунда, отомкни отмычкой и заходи, грабь. Воры клюнули, но не учли осторожности хозяев. Действительно, заперев дверь, они расходились по сторонам, и так было в течение нескольких вечеров. Воры не видели смысла следить далее и беспечно потирали руки: «Сорвём куш», — но не позаботились узнать, где именно жили хозяева.

Хозяева понимали: предприятие в любую ночь может быть ограблено, потому и жили в этом же доме. После рабочего дня выходили из мастерской, шли в разные стороны. Побродив по магазинам, заглянув на Сенной рынок, терялись в толпе, но возвращались в здание, только с обратной стороны. Двухэтажный дом внутри разгораживала стена с дверью из жилого поме-

¹ *Шухер (жаргон) — предупредить об опасности*

щения в ломбард и мастерскую, и в случае попытки проникновения в ломбард в жилом помещении сразу звенел колокольчик: через глазки в двери и в стене хозяева наблюдали за тем, что происходило в мастерских и ломбарде.

Это был последний «шухер» Голышкина. Воры, отомкнувшие замки и застигнутые врасплох, пытаясь спастись, ранили одного из хозяев ножом. Но те оказались любителями «аглицкого» кулачного боя: тренированными ударами свалили с ног непрошенных гостей и с остервенением пинали, пока воры не перестали подавать признаков жизни. Об этом Голышкин узнал потом. Сейчас же он из засады наблюдал, как четверо дюжих парней снесли к набережной завёрнутые в мешковину два трупа и бросили в воду. «Не просты эти гравёры-ювелиры, — понял он, — оберегают своё». Из укрытия, в свете газового фонаря, он успел рассмотреть и запомнить их лица.

Узнав о смерти бывших клиентов, хозяйка распродала краденые вещи. Посчитав деньги, осталась довольна, в церкви поставила свечку за упокой.

Матрёна, теперь уже мама Мотя, клиентам представлялась Матильдой. Из клоповника переехала в просторный дом, отремонтировала его «по высшему разряду для благородных» и сокрушалась: «Вбухала деньжищи!» Однако понимала: состоятельным клиентам нужен максимальный комфорт. Нимфетки делали старикам оздоровительный массаж, стрижку, маникюр, в большой ванне купали, а если у клиента хватало сил — делали и всё остальное. Утомлённого гостя укладывали спать. Утром омолодившегося старичка везли на извозчике, и пара молоденьких красавиц на зависть соседям сопровождала его до места проживания. Стоило это всё громадных денег. Но никто не скупился — последние годы, последние радости.

Однажды приключился большой скандал: у одной из девочек приходящий доктор обнаружил первичный сифилис. Стали искать — нашли. Клиент, полу-дряхлый генерал, наградил её «дурной болезнью». Оказалось, что страдали ею и жена, и сестра, и горничная — все давно безуспешно лечились, у сестры и вовсе провалился нос. Мама Мотя теперь наняла постоянного доктора, который каждый день осматривал не только девушек, но и клиентов. Осматривал под видом прослушивания лёгких, сердца, проверял и всё «остальное».

Дочерей хозяйка стала беречь, выискивая новых, свежих девушек и маленьких девочек в трущобных кварталах столицы. О её заведении зажиточные петербуржцы узнавали быстро — манила невинность, чистота ранней юности. Нимфеток не хватало. Мотя рыскала по ночлежным домам, по кабакам выискивала, а встретив на улице нищенку с ребёнком, уговаривала продать дочь, рисовала радужные перспективы сытой жизни. Нищенка, не зная, как выжить, избавившись от ребёнка и, не проявляя ни материнской любви, ни привязанности, пускалась в глухие загулы кабацкой жизни.

А больную девочку определили в спецлечебницу, учреждённую ещё Николаем Первым. Но девочка сбежала. Нашли её потом утонувшей в канале.

Серёжа Голышкин исполнял простую работу: мыл полы, передвигал мебель, прислуживал и девицам, за что они, когда он просил, по-приятельски обслуживали его. Случалось, что некоторые сбежали, получив первые деньги или украв их у хозяйки. Полиция, зная о нелегальном положении заведения и получая мзду, советовала маме Моте клеймить девушек знаками, как лошадей, ставя тавро на круп. Но это сочли крайней жестокостью, решили метить татуировкой. Если воровкам накалывали знак о принадлежности к определённой масти на руке, то будущим проституткам делали на лобке, пока он не покрылся волосяным покровом, надпись: «Страдаю, но молчу». Часто наколки были корявые, нехудожественные. Голышкин придумал красивый шрифт и под присмотром профессионального «кольщика» сам сделал татуировку одной из девиц, хозяйке понравилось. Теперь, если сбежавшую ловили, от беглянки требовали побрить лобок, будто в медицинских целях, «от вшей». Полиция видела, кому принадлежит девушка, и возвращала её хозяйке.

Голышкин в свободное время писал маслом русалок с мощными формами, греческих богинь, иногда делал карандашные наброски и даже целые законченные картинки альбомного формата. С разрешения хозяйки картины повесил на стену, стопку графических работ разложил на тумбочке рядом. На графику мало кто обращал внимание, а вот грудастых русалок и богинь «ценители» покупали.

Однажды два дюжих молодца, лица которых показались ему знакомыми, привезли пожилого барина. Барин звал молодцов Дедок и Дуда. Врачи советовали барину побыть с молодой, дескать, это успокоит нервы. Но прежде чем выбрать подругу, взор пожилого упал на рисунки на тумбочке.

— Прекрасная графика! — воскликнул барин.

Ему представили Голышкина. Барин попросил запечатлеть его в карандаше. Голышкин исполнил. Работа удивила.

— Гравёрное дело знакомо? Поучиться хочешь? — спросил пожилой, не давая ответить, и тут же спросил снова: — Али тут сытнее? Девки рядом? — Он похвалил рисунки, однако сделал несколько замечаний. Наконец остановился. — Ну, как?

— Я бы поучился, — скромно ответил Сергей. — Давно думал найти солидное занятие.

Когда его привезли, он узнал место своего последнего «шухера» — двухэтажное здание с железной дверью, зарешёченными окнами и ставнями; в доме он узнал ещё двоих, попавших в свет фонаря, когда те выносили из здания убиенных. Ему стало не по себе: «Вычислили и знают, что я проследил, сейчас разделаются». Но тут же успокоил себя: «Если бы хотели — в любом переулке перо в бок и на дно Невы. Стоило бы везти». Двое назвались: Владимир Глотов и Евгений Томилин. Те, что привезли его — Дедков и Дудин — сразу скрылись в незаметной двери за прилавком. Пожилой, Иван Иванович Базановский, указал место, где Глотов и Томилин будут учить Голышкина ремеслу.

Помимо гравёрной и ювелирной комнат рядом было помещение ломбарда с железной дверью и металлической решёткой в окошечке. Посетители приносили испорченные ювелирные изделия, Глотов и Томилин чинили. Золотой и серебряный лом Иван Иванович скупал сразу, а в гравёрном помещении из лома делали новые изделия. Но делали мало, подметил Голышкин, а в ломбард, где сидел сам Иван Иванович, приходили молчаливые люди, в sackвояже приносили что-то. В случайном разговоре между Томилиным и Глотовым он услышал слово «песок», но не подал вида; однако заметил, как смутился Глотов, произнеся это слово. Сергей догадался сразу...

Рождённый в золотоносных районах Западной Сибири, где многие промышляли в горной тайге, он с отцом и другими родственниками, в артели и в одиночку, зарабатывали на «хороший кусок». Но случалось, «хороший кусок» оборачивался пустышкой. Понадеявшись на удачу, не сеяли, не пахали и зиму жили впроголодь. И редко фортуна одаривала долгожданной улыбкой. А однажды, упорно промывая в проходнушке² и лотками породу, отец вскрикнул, будто увидел чудо. Поднял над головой самородок величиной с большую репу, и все артельщики смотрели на вскинутую отцову руку, как на подарок божий. Самородок кормил артельщиков и их семьи всю зиму. Сергей много лет спустя запечатлел этот момент в картине.

С детства его тянуло рисовать. Когда мать белила печку, он угольком подрисовывал в углу весёлые рожицы. Купец Угольников надумал потолки белить в доме. Нанял Серёгину мать. Она в помощь взяла сына: развела известку, синьку, сунула сыну кисть: «Мажь аккуратно, чтоб полос не было, с потолком без меня управисься, сбегая корову доить». Но, подоив корову, нашла ещё дела и, когда вернулась, ужаснулась: Сергей, потолок побелив, добавил синьки,

² Проходнушка – приспособление для промывания золота

создал фон голубого неба. В отдельную баночку развёл сажи, смешал, подрисовал на потолке облака, и смотрелись они как взаправдашние.

— Что наделал-то! — всплеснула руками мать. — Не заплатит теперь. Синьки сколь ушло!

Но когда к вечеру Угольников вернулся, расставил ноги, изрёк:

— Экко! Живые облака-то! — кивнул. — Молодец!

Купил ему краски, велел так же расписывать потолки в других комнатах. После работы дал Сергею денег и рекомендовал приятелям. Два дома в селе Сергей расписал за приличные деньги.

Потом отец в городе купил ему ещё красок, карандаши, альбом из плотной бумаги. Священник местной церквушки давал ему уроки рисования. У дяди — полицейского урядника, брата отца, он жил зиму в Томске, по рекомендации же священника учился иконописи в мастерской. Иногда выходил на пленэр, писал живописные уголки тихого Томска с его особняками-теремами, украшенными резной бахромой под крышами и наличниками на окнах.

— И охота на морозе стоять? — говорил дядя-урядник. — Брат твой двоюродный зачислен в школу полиции в Перми — будуща власть! А богомаз — пустое занятие, несерьёзное.

Но Сергей писал. И читал старые журналы и газеты, которые дядя приносил на растопку. Мастер-иконописец к весне заявил:

— Тебе, братец, в Петербург али в Москву, мои знания скудны. Затянет жизнь тутошна, будешь иконки писать грошовые, чахотку наживёшь.

Отец с матерью собрали деньжат: «Коли у сына дар божий, чего ему в глухомани?» Отец подарил сыну припрятанный самородок с куриное яйцо: «Про чёрный день береги, может, когда пригодится, ювелирам продашь».

Молчаливые люди приходили раз в месяц, приносили что-то в саквояже. Однажды, когда они пришли в очередной раз, Сергей в щель между неприкрытой дверью и косяком увидел, как в присутствии Томилина, Глотова, Дуды и Дедка Базановский сыпал на тарелочку медицинских весов золотой песок. Глотов взвешивал, Томилин пробовал песок реактивами.

Как-то в мастерской никого не было, ему нужно было выяснить один вопрос. Он заглянул в гравёрную. Дверь в жилое помещение оказалась открытой, он подошёл ближе, глухой стук из глубины дома донёсся до его ушей. Сергей заглянул и впервые увидел расположение комнат в коридоре, лестницу, ведущую вверх, — как он предполагал, это были апартаменты самого Базановского. Потом стук прекратился, стали слышны голоса. Рассуждали о чеканке монет:

— В штемпеле трещинки появились, непрочеканенные элементы в рисунке. Пора менять. Несоответствие ещё когда прочухают, а чеканка выдаст. Вроде пока прилично, но намётанный глаз узрит.

Дудин, Дедков и Глотов с Томилиным были сложения крепкого, внешне похожие на Базановского. Оказалось, он был им дядей по матери. Она родила их от разных мужчин и умерла от чахотки. Отчество у всех четверых было Ивановичи. Когда Сергей с ними знакомился, от них пахло чем-то едким. Иногда братья уходили в жилое помещение и находились там всё рабочее время; с ним были молчаливы — их поведение Сергея интриговало, но он старался не вникать в вопросы, его не касающиеся, усердно постигал мастерство гравёра. Потом его допустили к ювелирному делу: учился плавить металл, тянуть золотую проволоку. Эта деятельность не казалась теперь лёгкой и романтической. Возня с горелками, со всевозможными реактивами, от которых исходили кислые запахи — от него тоже стало пахнуть. Работу его проверяли реактивами, взвешивали золотую и серебряную проволоку, выданную для работы. Базановскому нравились его эскизы украшений. В столице звучали фамилии Фаберже, Овчинниковых... Базановский говорил: «Вот на какой уровень пробиваться надобно — цари, князья их клиенты. Но пока у нас кишка тонка». Неизменным было поведение всех пятерых: под конец дня все

выходили на улицу, и он с ними. Базановский закрывал металлические двери, ставни — и все расходились в разные стороны.

Голышкина у мамы Моти по-прежнему считали своим, и когда он после работы приходил, по просьбе хозяйки с двумя девицами шёл на вечерний рынок, они помогали ему в выборе провизии. Потом на пролётке везли продукты домой. Иногда, перед закрытием рынка, он встречал там братьев — прикупив провизию, они о чём-то подолгу разговаривали с некоторыми продавцами... Часто с ними был Иван Иванович, заходил в один из магазинов, долго отсутствовал, выходил довольный...

Клиентов у фирмы было немного, но деньги у хозяина водились. Все четверо беспрекордно слушались Базановского, по субботам посещали частный спортивный клуб, там учились драться. Голышкин напросился с ними. Раз в неделю мужик с бакенбардами, то ли немец, то ли англичанин, показывал приёмы бокса, с акцентом объяснял, как надо лупастить противника, каждый удар по многу раз заставлял отрабатывать. Посетители прыгали через скакалку; резко нагибаясь, уходили, будто от удара, и били в кожаный, свисавший с потолка мешок, набитый песком. После разминки устраивались показательные бои. Это была не простая, с руганью площадной, уличная драка, где пьяные мужики размашисто колотили друг друга — у англичанина перед боем противники обязательно пожимали друг другу руки и, накондыляв друг другу, уже с фонарями под глазами, опять пожимали руки и расходились чуть ли не добрыми друзьями. Голышкин понял: все четверо племянников были не только работниками фирмы, но одновременно и её охранниками, защищали СВОЁ! Он стал регулярно посещать клуб. Первые тренировки казались ему однообразными, скучными, даже глупыми: прыгай, бегай, дерись с предполагаемым противником. Перед тобой пустота или стенка, а на стенке тень, а ты прыгай перед тенью, как дурак, изображая из себя боксёра. Бокс — с таким названием вошла в его жизнь кулачная драка.

После нескольких тренировок англичанин предложил Сергею провести первый бой. Сергей чувствовал — крепили его руки и ноги, и однажды, сжав кулаки, подумал: «Заехать бы кому-нибудь в рыло». Англичанин будто уловил его мысли — поставил перед ним невысокого, щупловатого мужичка. «Да я его соплём перешибу», — ухмыльнулся Сергей. Но после первого же взмаха щупловатый увернулся, присел и ударил его в живот. Голышкин упал на бок, скрючившись, тот хотел было ударить ещё, но англичанин вовремя схватил его за руку, остановил:

— Ноу! Ноу! Ноу! Нельзя добивай! Это не уличный драк! Это есть рыцарь поединок! Угрожайт смерт — бей, не жалеи!

Голышкин стал относиться к тренировкам более серьёзно. Примерно ещё через пару месяцев, как обычно, он брёл среди громадных зданий к дому Матрёны Ивановны, поглядывая на окна высоких этажей, представляя себя знаменитым художником либо мастером-ювелиром со своим именным клеймом. Ему грезилось, что его изделия покупают высокопоставленные особы, его привечают в богатых домах, хозяева почитают за честь пригласить на званый ужин или обед, мечтают заполучить его для своей прелестной дочери в женихи, и он, когда-то ученик далёкого безвестного сибирского богомаза, восходит на пьедестал славы. В приятных мечтах он уже подходил к подворотне дома и уже зашёл в неё, как вдруг:

— Сымай клиф³! — прервал его грёзы грубый голос.

Перед ним стояли двое, в руке одного сверкнула финка.

— Сымай-сымай! — ощерился грабитель, подставив лезвие к горлу.

В сознании мелькнули слова тренера: «Угрожайт смерт — бей, не жалеи!» Голышкин, снимая сюртук, незаметно сунул руку в карман, сжал в кулаке самородок-яйцо, резко накинул сюртук на голову грабителю, одновременно кулаком с самородком саданул его в висок.

³ Клич (жаргон) – пиджак, полупальто, пальто

Грабитель, вскинув руку, машинально полоснул Голышкина по запястью и рухнул на землю. Появившийся в проходе дворник лопатой ударил по хребту второго грабителя. Пронзительно засвистел свисток. В проход вбежал городской.

В полицейском участке Сергею перевязали руку. Дворник взалёб рассказывал:

— Во дворе мусор лопатой согребал, вошёл в подворотню согрести, а там этот на того с ножом, а этот как хрястнет, а тот присел, а этот, — дворник указал на второго грабителя, — хотел было... Но я подоспел...

Оставшись с ним наедине, следователь сказал Голышкину:

— Ты ведь у Матрёны Ивановны в работниках был и сейчас квартируешь? Ты парень крепкий, силой не обделённый, городские нам нужны. Подумай, братец, — и сообщил, что грабитель, которого он саданул, умер.

Неделю спустя, вечером, в дом мамы Моти пришёл городской, сказал Сергею:

— Тебя к начальству. Велено в участок доставить.

В полиции губернский секретарь⁴, фамилия его Ромаевский, говорил вкрадчивым голосом:

— Ты смекалистый, надо бы послужить на благо отечества. С начальством согласовано, — выдержал паузу и произнёс, словно Голышкин уже дал согласие: — Будешь докладывать о действиях Базановского и его родственников: куда ходят, с кем общаются. И то, и другое, куда и с кем, — повторил он и, разминая ладони, добавил: — Обо всех контактах. — И уже мягче: — Подписывать бумаг не надо, в полицию ни ногой, встречаться будем у Матрёны Ивановны. — И неожиданно жёстко, буравчиком сверля взглядом Голышкина, произнёс: — Ты ведь человека убил.

Сергей потупился.

Однажды молчаливые люди не пришли в назначенное время. Сергей давно понял: несли они ворованное с приисков или скупленное у хитников⁵-одинокое золото. Металл должен был сдаваться в казённые скупки, сбывать на сторону противозаконно — за это, если поймут, каторга! Когда молчаливые не пришли ни во второй, ни в последующие разы, стали приходить другие, тоже незнакомые люди. Они запирались с Иваном Ивановичем в его закутке. Сергей слышал, как Базановский жаловался, будто оправдывался, что золотой лом граждане несут крайне скудно, с уральских приисков песок не поступает вообще, не из чего делать даже ювелирку; а пускать в дело настоящие импералы, изготавливать из них фальшивые с малым содержанием золота — смысла никакого, накладно, обыватель визуально определит фуфлю. Когда они уходили, Сергей разглядел — на бандитов не походили. И впервые услышал обращение: «Здравствуйте, товарищи. Прощайте, товарищи». У Сергея похолодело внутри — в родных местах не раз приходилось ему слышать это обращение среди политических поселенцев, то были террористы-бомбисты, стрелявшие, бросавшие бомбы в полицмейстеров, губернаторов, министров и даже императорских особ. Сибирские жители политкаторжан не любили: они нарушали уклад, подрывали устои, сложенные столетиями. Сибиряки помогали вылавливать в тайге сбежавших с каторги, бывало, отстреливали их сами.

«За политику власти закатают туда, куда Макар телят не гонял», — так думал Сергей. Но, чтобы не вызвать гнев «товарищей» (а это не мелкие уголовники, у них организация — отомстят), он задумался, закрутилась даже мысль: необходимо скрыться из города, избавиться от Базановского, от его племянников, но тихо, постепенно, не вызвав подозрений.

Голышкину всё же пришлось подписать бумаги. Говорили с ним ровным голосом, сообщали, что могут быть неприятности, если не станет он докладывать о Базановском и его поставщиках золота. Ювелиры всегда были в зоне интересов полиции, но Сергей чувствовал, что

⁴ Губернский секретарь — младший чиновник сыскной полиции

⁵ Хитник — человек, занимающийся незаконным промыслом

есть и какие-то другие причины. Перебрав в памяти, вспомнил неоднократно произнесённое поставщиками золота опасное слово «товарищ». Он оцепенел от ужаса — за связь с подобными революционерами каторжный срок неминуем, в иных случаях — виселица.

Он и сам интересовался, откуда поставщики добывают металл, выгодно ли изготовление фальшивых пятирублёвиков? В конце концов стал подсчитывать сам, получался большой процент прибыли. Меди — на копейку, золота в пятирублёвой монете всего лишь половина, и получается из копейки два с половиной целковых. Голышкин заинтересовался, но войти в доверие к Базановскому не видел возможности.

Однажды, не придумав ничего лучшего, он решил пойти ва-банк... Попросил Базановского выслушать его с глазу на глаз. Он рассказал патрону, что знает о том, что в подвале его дома чеканят фальшивые монеты, что с Урала некие «товарищи» приносят им недорогой золотой песок и самородки, и что в полиции его принудили следить за Базановским. Рассказал также, что в отчётах полиции он выражал мнение: стоит ли тратить время на обычного, мелкого ювелира-гравёра, который желает лишь пробиться в высшие сферы, что Базановский — обычный ремесленник.

И, чтобы подкрепить свою верность, вечером же докладывал Базановскому о своём посещении следственного отдела. Базановский действительно стал ему доверять, но задавался вопросом: какая Голышкину корысть? А корысть была проста: Сергей ждал, как художник — славы, как обыватель — больших денег. Провожая взором проезжающих в колясках богатых молодых людей, он подолгу стоял с закрытыми глазами, представляя себя на их месте.

Сергей Ильич Голышкин стал делиться с Базановским мыслями по поводу поступления золота из Сибири. Но для начала он предложил посетить выставку одной картины.

Когда приехали к маме Моте, долго смотрели на выставленное в большой комнате полотно. Окончательное название у неё было «Триумф старателей». Сергей рассказывал, какие огромные запасы драгоценных металлов хранит в себе сибирская земля. Есть месторождения, о которых только местные знают, черпают понемногу, не разрабатывают до конца и не показывают никому. За уральскими же месторождениями власти наблюдают намного пристальней. Базановский задумался.

Идея Сергея показалась ему интересной. Возможно изготавливать империалы и полуимпериалы из чистого золота? За идею о сибирском золоте и за самородок Базановский щедро заплатил Голышкину.

Через неделю, проходя мимо Гостиного двора на Невском, Сергей заглянул в один из магазинчиков под названием «Джентльмен». Взгляд привлекла витрина: на ней были развешаны шляпы, костюмы, галстуки, разные трости — для инвалидов и для джентльменов: стильные, с набалдашниками, закруглёнными деревянными ручками, из слоновой кости, некоторые инкрустированы перламутровыми узорами. Сергей Ильич Голышкин рассматривал долго, любовался тонкой работой, приказчик вытанцовывал перед ним, наконец устал, сказал холодно:

— Не понятно, что господин желает...

— Ассортимент беден, — сказал Голышкин.

Приказчик, скосив злые глаза на посетителя, юркнул в маленькую дверцу. Через секунду появился, не глядя на Голышкина, встал за прилавок подальше, где продавались бритвенные приборы, а из двери высунулась лысая голова с бородкой:

— На что господин желает взглянуть? — сделав приглашающий жест рукой, лысая голова исчезла. Голышкин вошёл в маленький кабинет с висящими на гвоздях по стенам тростями. На полке стеллажа тоже лежали трости.

— Мне бы такую, чтоб хулиганам отпор дать. Трость потяжелее.

Хозяин взял с нижней полки трость с набалдашником в виде головы льва, Сергей почувствовал в руке тяжесть увесистой дубинки.

— А ещё что-нибудь? — спросил Сергей.

Хозяин глянул на него изучающим взглядом, достал из сейфа похожую на ножны от шпаги чёрную трость с серебряной рукояткой в виде согнутого в поклоне старика с большой лысой головой, как у самого хозяина магазина. Точно такая же висела над сейфом. Хозяин изогнулся, как серебряный старичок:

— Извольте взглянуть.

Голышкин взял трость, она была тяжелее тех деревянных, что он только что смотрел, но легче той, что с набалдашником.

— Немцы — на все руки мастера, — сказал хозяин, нажал у рукоятки невидимую кнопку, она щёлкнула. Лысый хозяин, к удивлению Сергея, выхватил из трости стилет, встал в стойку, широко улыбаясь.

— Защищайтесь, сударь! — и подал клинок рукояткой вперёд удивлённому Голышкину.

Из толстой пачки, врученной за самородок, Сергей отсчитал несколько купюр.

— О-о-о! — изумившись, воскликнул хозяин магазина. — Тогда позвольте преподнести в качестве подарка ещё одну.

Он снял со стены абсолютно похожую трость. Сергей ощутил её лёгкий вес, понял — деревянная.

— Эта для повседневного пользования, — сказал хозяин и, взглянув проницательным взглядом на трость-клинок, добавил вкрадчивым голосом: — Её для дела — меня не касается, какого. Но лучше держите подальше от себя. — И, окинув взглядом Голышкина, сказал: — Вижу, господин состоятелен, могу предложить шляпу, костюм, ботинки...

Голышкин переоделся во всё новое. Хозяин собственноручно завернул старые вещи в довольно большой, по длине трости, продолговатый тюк, предварительно положив в него трость-шпагу, деревянную же вручил Сергею.

Сергей щёголем шагал теперь по Невскому, держа под мышкой тюк, другой рукой поигрывал деревянной тростью, изредка касаясь тротуара. Встречные барышни обращали внимание, извозчики придерживали лошадей: «Куда вас, барин?» Было приятно: из бедно одетого вмиг приобрёл облик лондонского денди — на него все смотрят, готовы услужить!

— Подвези-ка, братец, до Сенного, — сказал он очередному извозчику.

Когда подъехал к дому, из окон глазела Матрёна с дочерьми; разом все выдохнули:

— О-о-ох!!!

Старшая Ада про себя решила: «Он будет мой!»

Получив деньги, Голышкин стал посещать музеи, брал на экскурсии Матрёниных дочерей. Старшая, Ада, замороженным взглядом рассматривала музейные шедевры. Вообще, поселившегося у них Сергея она всячески опекала, подкармливала, когда у того совсем не было денег, и не ревновала, когда он спал с другими сёстрами — Глашкой и Сонькой; те и сами лезли к нему под одеяло... Лишь совсем юную Машу, оберегаемую матерью и сёстрами, он не позволял себе трогать. Он работал, ходил на тренировки по боксу и брал платные уроки.

Магазины, в которые раньше заходил Иван Иванович и где его любезно принимали, теперь стали отказывать. Племянники перестали ходить на Сенной и другие рынки. Молчаливые люди не появлялись у Базановского, будто испарились. Дело застопорилось.

Продолжая заниматься рисованием и живописью, Сергей узнал от таких же непоступивших, что есть учитель, который хорошо готовит в Академию. Этого учителя иногда самого приглашали временно замещать какого-нибудь заболевшего преподавателя. Глянув работы Сергея, учитель похвалил, начал с ним заниматься. Учил добросовестно, но заломил за уроки немалую цену; говорил: «Творец должен быть голодным», — и с умилением оглядывал Сергея

в его поношенной одежде. Сведущие ученики рассказывали, что учитель — неудачник, в своё время ему не дали звания профессора. Многие его бывшие ученики, поступив в Академию, уходили вперёд, оставляя учителя далеко позади, получали медали и сами становились профессорами. И когда Сергей явился на занятия совершенным франтом, он неожиданно почувствовал к себе холодность и раздражение.

Он неплохо уже освоил технику рисования, ему подвластна стала масляная живопись. У себя в каморке написал большую картину, где изобразил отца с поднятым над головой самородком и взиравших на него счастливых старателей. И даже принёс картину в мастерскую на суд учителя, ждал его оценки и замечаний. Полезную критику Сергей всегда воспринимал с пониманием и благодарностью. В мастерской были два его приятеля, ранее видевшие картину и выражавшие своё положительное мнение. Однако учитель, глянув на картину, со сморщенной физиономией, будто под нос ему сунули проквашенную капусту, вместо того, чтобы указать на просчёты и ошибки, отделался общими фразами: дескать, сюжет слаб и непонятен, герои совсем не прописаны, и почему они с радостными улыбками, а в глазах слёзы? Сергей пытался объяснить, что в глазах слёзы счастья, что самородок спасёт многие семьи от голода. Но, в завершение, учитель заявил, что всё это мазня, не стоящая внимания. Один из учеников сразу стал отпускать ехидные словечки, поддакивать, другой, когда встречался с Голышкиным взглядом, молча опускал глаза.

Вступительный экзамен в Академию Сергей провалил во второй раз. Приятели — и тот, что ехидничал, и тот, что молчал — поступили. С последним он встретился у выхода, тот выразил недоумение, будто извинялся:

— Мне твоя работа понравилась. Завидует этот пьяница чужим талантам, хоть и умелый рисовальщик, но бездарь...

Больше Голышкин судьбу не испытывал, жалел лишь силы и средства, потраченные на частные уроки, вздыхал, что действительно лишён искры божьей, не поцеловал всевышний его в темечко при рождении.

Когда Голышкин принёс картину обратно и выставил на обозрение в большой комнате, Соня, Глашка и Маша впилились в полотно, стали рассуждать:

— Здорово! — сказала Маша.

— Люди как живые! — заметила Глафира.

— Кому-то ж счастье привалило! — воскликнула София. — Деньжищ-то получат!

Только мама Мотя скорчила мину:

— Ну, похоже, и что? Рисованный самородок! Лучше б девиц рисовал. За них деньги плотят и в спальню везят.

Ада смотрела с восхищением и молчала. Ночью нежно обнимала и целовала Сергея. Он плакал, размазывая слёзы по её плечам и груди.

— Ничего, милый, ты умница, труженик, проявится талант твой в другом, — шептала она.

Там, в Сибири, продираясь сквозь таёжные чащобы, отец говорил ему: «В тайге дорогу топором прорубаем, в миру — локтями. Сильный живёт, слабый гибнет». С такими мыслями Сергей часто бродил по тихим улицам Петербурга, заглядывая в окна богатых домов, по возможности наблюдал сцены сытой, уютной жизни. Доказывать силу своего таланта он более не станет. Будет действовать — благополучие придёт и к нему.

Иван Иванович ни в магазины, ни на рынки более не ходил, давал Голышкину купюру, отправлял его за провизией. Голышкин прилежно исполнял просьбы, чувствовал, что стал для Базановского необходимым. Он уже работал в подвале дома, но не подавал сведения в сыскную полицию. Однажды в коридоре сыскаго отдела встретил бывшего приказчика из магазина «Джентльмен». А потом несколько раз встречал его на Сенном рынке, тот попадался ему на

глаза будто бы невзначай и тут же скрывался в толпе. «Вероятно, приказчик тоже тайный агент, — подумал он. — И, вероятно, слежка за мной».

Сергей продолжал жить у мамы Моти. Иногда сопровождал Ивана Ивановича к девочкам. В один из таких визитов, когда уже стали собираться посетители, а Базановский любовался картиной, какой-то генерал посетовал: «Вместо этих оборванцев лучше бы девочек повесили». Матрёна Ивановна сразу же приказала вместо «Старателей» повесить обнажённых дочерей.

— Напрасно, Мотенька, — сказал Базановский, — автор талантлив.

Так же он сказал, что за шедевры надо платить, и купил картину за триста целковых. И, видя, как он легко и небрежно вытряхивает из кошелька сотенные-«катеньки», уязвлённый генерал спросил:

— А сколько стоят эти четыре куклы? — махнув рукой на картину с обнажёнными дочерьми.

— Ну, если за каждую красавицу по сотне, то четыреста, — сказал осмелевший Сергей.

— Но позвольте, — возразил генерал, — четвёртая же совсем ребёнок!

— Так к детям и ездим, дорого платим, — заметил Базановский.

Генерал заплатил четыреста и под ухмылку Базановского отсчитал купюры. Другие посетители, став свидетелями спора и услышав, что картины — шедевры, поспешили купить остальные, от пятидесяти до ста рублей. А совсем скабрёзные, для супружеских спален, купили по двести. От доходов Сергей заплатил Матрёне Ивановне, оставшаяся же ему тысяча была деньгами огромными.

Глава 2

На маму Мотю обрушились неприятности. Постоянному клиенту, журналисту местной газетки господину Пачковскому, попала на глаза Маша. Девчонки в это время в большой комнате для гостей окружили богатого старца, словно цыплята наседку: чмокали его в лысину, ручками гладили щёки, теребили уши, смеялись. Он тискал их попки, закатывал глаза, потом чихнул и как-то сразу уснул. Девчонки на цыпочках отошли к противоположной стене, расположились на диване, с улыбками глядя на захрапевшего старика, пускавшего слюнявые пузыри...

Маша была допущена матерью к подобным играм: «пусть развивается, но не более». За целостностью дочери Мотя следила, но и по времени не затягивала — дескать, чем старше, тем товар дешевле. Решила: лобок чуть оволосится — и уж тогда за Машку можно взять хорошую цену. Мотя мечтала выдать дочерей за каких-нибудь богатых вдовцов: «Подохнут — наследство оставят», — рассуждала она. Сейчас взглянула на старика: «Ну, хоть за этого пердуна».

Маша выделялась утончённой красотой, огромными, чёрными глазами, всегда как бы удивлённо глядевшими на мир божий. Двенадцать лет назад Мотя служила подавальщицей и посудомойкой у богатого купца. Старшие, Ада и Глашка, ей помогали. На одну из вечеринок был приглашён виртуозный ресторанный скрипач, ещё не старый еврей с воронными, с проседью локонами до плеч. В тот вечер оркестр играл жгучие цыганские и венгерские танцы, грустные еврейские и русские чувственные мелодии. Гости, пьянея, утирали слёзы. Мотя иногда выглядывала из-за портьер, прикрывавших дверь, трепетала, слушая виртуозное исполнение ресторанного гения. И когда за полночь, по окончании пиршества, скрипач зашёл на кухню испить водички и, уловив Мотю в закутке, заглянул своими воронными очами в её васильковые глазки, она растаяла... Наутро с оркестром скрипач отправился в другой город. А через месяц Мотя узнала, что беременна.

«Слаба на передок», — плакалась она подруге. И сокрушалась: «Что теперь делать? Трех ел кормлю». Старуха Фрося, бывшая жрица любви и её подруга, хозяйка халупы на западной окраине Питера, пустила жить Мотю с детьми. Шло время. Мотя носила объедки из ресторана, кормила свою ораву. Ада и Глашка помогали мыть посуду. Чаевых, конечно, никто не давал, но еда была всегда и хорошая — пьяные посетители, бывало, не обращали внимание на свои нетронутые кушанья. Мотя приносила домой целёхонькие, все были сыты. Полученные за работу деньги Мотя копила, мечтала когда-нибудь открыть своё заведение. А уж дело-то она знала: каких клиентов, как и чем нужно приманивать... Когда объявила о четвертой беременности, Ада и Глашка рассудили как взрослые:

— Где трое, там и четверо, — обняли мать, прижавшись щеками с обеих сторон к её голове.

Кудрявая, ещё трёхлетняя, Соня сидела на полу, почёсывала головку — беспокоили её вошки — и не понимала, почему мамка одновременно улыбается и плачет. К рождению младенца старая Фрося умерла, а за то, что Мотя за ней ухаживала, кормила, избавив от паперти, старуха завещала халупу Матрёне. В честь Святой Девы называли девочку Машей.

Публичных домов у Сенной площади хватало, но многие были для простонародья. Мотя лелеяла тайную мысль — открыть заведение для богатых и возрастных клиентов. По молодости, пока была свеженькой, служила в приличном заведении, с оркестриком. Студенты консерватории играли замечательно; был в заведении и постоянный опытный старый доктор, следивший за здоровьем девиц, советовал, какие мази и препараты нужно вводить во влагалище, чтобы избежать заражений — опыта было предостаточно. Всем назойливо выговаривал:

— Прежде чем допустить до себя, не стесняйтесь, осматривайте на морде губы и достоинство клиента — особенно! Глядите внимательно, но не назойливо: есть ли шанкр — прыщик такой, выделения — гной из члена. Ласково общайтесь, лас-ко-во. Чтоб не понял старый дурак, незаметно оглядите всё тело его. Сыпь увидите — верное заражение, отказывайтесь от такого. Меня позовите, охранника, мадам сообщите, его боле не пустят.

Старый фельдшер рассказывал о разных других способах распознавания заражённых клиентов, а также о безопасных способах удовлетворения, показывая на себе:

— Бывает клиенту приятно, если, например, рукой. Можно научиться так, что клиент потом потребует именно этого.

Девушки шупали старика. Он сердился, когда у какой-нибудь не получалось:

— Пальчиками, пальчиками поиграй, как на пианино по клавишам, под мошонкой придави... Да смелее же! Безрукая что ли?! Во-о-от... Вот-вот-вот... Быстрее! Ох! О-о-ох! Понятно вам, дуры?

Девушки хохотали, принимали к сведению, шли мыть руки.

Машуньку сёстры любили, но не баловали. Взрослела, понимала, каким образом достаётся кусок хлеба, и относилась к деятельности матери и старших сестёр как к обычному ремеслу — и к тому, что ей когда-нибудь самой придётся зарабатывать на жизнь подобным образом.

— Хочу её! — потребовал пьяный репортёр, сидевший рядом, указав на Машу.

— Эта не продаётся, — отрезала мама Мотя. — Берите другую.

— Эту-у-у! — настойчиво протянул журналист, не сводя с девочки глаз.

— Десять тысяч золотом, — невозмутимо сказала Мотя. — Но прежде вы должны провериться у нашего доктора, выдержать двухнедельный карантин, живя у нас, оплачивая завтраки, обеды, ужины — и только тогда мы дадим вам час пребывания с девочкой.

Пьяный журналист уставился на Мотю кривым глазом.

— Да вы охамели тут! — заорал он. — Вы понимаете, кто я? Стоит мне... Ваша жидовка трёх грошей не стоит! Да кто за неё заплатит?!

Потом вдруг будто опомнился:

— Вы тут детей растлеваете!

Пьяный бросил чашку с кофе в лицо Маши. Чашка отскочила от её лба, облив лицо горячей жидкостью, ударилась о спинку стула, разбилась. Недопитый кофе растёкся, пачкая ковёр. Голышкин кинулся было к репортёру, но Мотя ухватила его за сюртук.

— Ни в коем случае! Ни в ко-ем! — держала она, пока Сергей не обмяк.

Она всегда старалась избегать скандалов, так и в этот раз стала умолять Пачковского покинуть заведение. Потом бросилась к дочери, у которой уже хлопотали старшие сёстры. Выше виска у неё был глубокий порез, и на самом виске покраснела кожа.

Голышкин силой вывел журналиста на улицу, подавив желание сжать руки у горла:

— Ступайте, господин, до дома, проспите... — он повёл журналиста к Сенной площади, поймал извозчика. Посадив пьяного, дал извозчику своих денег. Но журналист не унимался, грозил:

— Я им покажу! Я напишу!..

Когда пролётка отъехала, Голышкин спокойно вздохнул.

Однако через пару дней в уличной газете появилась статья «Об эксплуатации малолетних». В конце статьи автор указал адреса, общественность вознегодовала. Полиция, доселе прикрывавшая свой дополнительный источник дохода и бесплатно пользовавшаяся услугами

девиц, показушно перед газетчиками закрыла заведение. Оставшись наедине с мамой Мотей, старый полицмейстер мямлил:

— Прости, Матрёна Ивановна, высшим начальством приказано... У тебя чистота, порядок. Мы ни при чём, обижайся на газетчиков.

— Мало я тебе денег передавала? Лучшими девками пользовался! — стонала Мотя.

— Говори спасибо, что дома не лишилась. У высших чинов отстоял, — парировал старик и взял из её рук пачку денег за заботу.

Деятельность мадам Матильды закончилась. Девочки разбежались по другим публичным домам. А Матильда опять стала Мотей, остались только дочери. Мотя не выдержала, слегла. Вечером призвала Голышкина к себе:

— Денег дам, убей эту сволочь! Приходил же, бесплатно удовлетворялся, лучшими девочками пользовался. Пачкун! Гадёныш! И написа-а-ал... — скрежетала зубами Мотя. — Не зря фамилия его Пачковский.

Потом, схватив Голышкина за грудки, притянула его ухо к своим губам, зашептала:

— Распознает и про твоё доходное дело. Коли я знаю, то и он узнает! Сообщит! Напи-и-ишет! — заявила она злобным голосом. — Глашке моей с пьяну намякивал, дескать, дело какое-то золотое расследует. Ему в полиции свой интерес. Соображай...

Мама Мотя задыхалась, держалась за грудь, ей становилось хуже. Стонала:

— Про золотое дело передай Ване Базановскому, Иван Ивановичу... — потом вдруг застонала. — Колет под ложечкой. Жжёт...

Приходил доктор, слушал её сердце, категорично заявил: «Возможно, протянет ещё месяц. У неё аневризма». Матрёна Ивановна, собравшись с силами, говорила Голышкину, слеза текла по щеке:

— Не оставь девчонок моих... Пропадут! На улице сгинут. Я знаю, ты справедлив. Мало ль добра тебе делала. А им накажу, чтоб слушались, как брата старшего. Деньги для тебя под матрасом, возьми. Не обмани, Бог накажет! — Мотя замолчала, о чём-то думая, и, тяжело вздохнув, махнула рукой: — Иди. Одна побуду...

Она шептала и шептала в темноту о себе, и слёзы стекали по вискам на подушку. И вдруг показалось ей — белый ангел вошёл в её тёмную комнату, присел рядом, гладил руку её, утирая слёзы и коснувшись губ, сам стал рассказывать о несчастливой судьбе крестьянской девки Матрёны, работавшей с подросткового возраста у аптекаря полумойкой и сиделкой у мамыши, совсем дряхлой старушки Ады. Старушка жалела сиделку, таскавшую из-под неё судна, обмывавшую, не выражавшую и тени брезгливости. За это старушка Ада часто предлагала скушать свой ужин или обед. А однажды попросила подать ей с комода весёлую глиняную хрюшку, у которой было два отверстия: в одно кидали денежку, из другого доставали. Второе отверстие было закупорено бумажной затычкой. Старая Ада вытащила её и высыпала Моте в пригоршню серебряные и медные деньги: «Тебе нужней, милая». Вскоре умерла.

Когда хозяин обрюхатил Матрёну, поделился с товарищем. В еврейской общине узнали, сказали: «непорядок, коли гойку⁶ покрывает еврей», подыскали для него в жёны соплеменницу. Новая хозяйка, обозвав Матрёну проституткой, выставила её за порог. Искала молодая работу, но срок был большой, брюхатой отказывали, и нигде не было ей приюта. Родила она под мостом Петербурга.

Там же, рядом, оценилась бродячая собака. Когда собака убегала в поисках пропитания, голодная Мотя, у которой почти сразу пропало молоко, убивала одного из её подростков щен-

⁶ «Гойка» — это разговорное, часто пренебрежительное обозначение женщины или девушки нееврейского происхождения в еврейской культурной среде (от идишского шикса или гой, что означает нееврейку).

ков, зажаривала на костре и съедала. Вернувшись, собака искала пропавших, потом поняла, куда те исчезали, и всегда садилась подле Матрёны и смотрела на неё, и слёзы ручьём текли из собачьих глаз. Мотя жевала щенячье мясо, нажёванное пыталась скармливать младенцу. А собака смотрела и скулила. Мотя съела всех щенков, но молоко у неё так и не появилось. У собаки же из сосков сочилось лишнее. Мать подложила дитя под собаку, по очереди направляла собачьи соски в губы. И младенец сосал. Собака лежала, скулила, и морда её становилась мокрой. Регулярно собака убегала в поисках пропитания, а вернувшись, сама ложилась подле младенца, облизывая лицо девочки шершавым языком, а девочка сосала.

Так прошёл год. Мать уходила с дочкой на паперть, собрав милостыню, покупала еду, кормила и собаку. Собака стала нянькой, сторожем: не подпускала девочку к реке — когда та близко подползала к воде, брала за шкурку и тащила обратно в углубление. Однажды, когда мать болела, под мостом появился какой-то бродяга, вероятно, искал убежища от дождя. Когда он стал подходить, протягивая к малышке руки, псина с рычанием кинулась на него, вцепилась в руку, до крови разорвала кисть. Бродяга больше не появлялся.

На паперти подавали мало. Какой-то нищий посоветовал матери перебраться на Сенной рынок: там, мол, и пристроиться легче, и с продуктами проще — в мусорные ящики вечерами выбрасывают много съестного, и мосты для проживания есть. «Ты хоть и чумазя, — говорил ей нищий, — но молодая и не заражённая. Отмойся в бане, пристройся к какому-нибудь состоятельному торговцу на содержание». Мать взяла ребенка на руки, через весь город побрела к Сенному, за ними, опустив голову, хромала собака. За помывку в бане мать отработала уборщицей, в мусорных ящиках набрала ещё годных в пищу продуктов, для собаки — костей с необрезанными сухожилиями, нашла даже небольшой куль с почти свежими фруктами. Обрезав гнильё, сварила компот на костре.

Утром в мясном ряду подмигнула пожилому торговцу. Тот посопел, сказал, чтоб пришла вечером к концу торговли, заявив, что не обидит. Когда Мотя пришла в назначенный срок, в лавке сидел какой-то с умным лицом господин: в очках и шляпе, с чемоданчиком в руках. Господин приказал раздеться догола, сказал, что проверит её на наличие венерических заболеваний. Мотя уже знала о таковых, встречала на паперти безносых, безухих нищих с гниющими ранами по всему телу. Их забирала полиция, но на их месте появлялись новые. В закутке, в присутствии мясника, врач осмотрел Матрёну, потом приказал сесть на стол, шире раздвинуть ноги. Взял из чемоданчика стеклянную ложку, взял из влагища соскоб, понюхал, обратил внимание на красивую грудь, ладонями ощупал, отметил удивлённо:

— Будто не кормившая, хотя рожавшая, — добавил мяснику. — Подержите её пару недель в карантине, потом покажете мне, а там на ваше усмотрение.

И обратился к Матрёне:

— Скажи, милая, сколько половых партнёров у тебя было?

— Каво-о-о? — протянула она.

— Ну, клиентов, мужчин, мужиков? Сколько? — пояснял доктор.

— А-а-а, — хлопала Матрёна глазами. — Только господин аптекарь. Девчонка евойная, — указала на улицу, где у входа в лавку с собакой сидела годовалая девчушка.

Жизнь у мясника, казалось, налаживалась. Через две недели доктор, ещё раз осмотрев Мотю, сказал мяснику, что его здоровью от любви с ней ничего не угрожает.

Похлёбка из костей, котлеты из нетоварного мяса делали своё дело: девочка подрастала, Мотя хорошела, у собаки залоснилась шерсть. По ночам собака на цепи караулила лавку, а Мотя и дочь жили у мясника в пристройке. Мясник был доволен: Мотя была бесплатная работница: обваливала (отделяла мясо от костей), стояла за прилавком, ночью исполняла свой долг любовницы. Мотю он приодел, на неё засматривались другие лавочники. Время пришло — появилась Глашка. К Аде пожилой мясник относился спокойно, иногда баловал — покупал

сладкого петушка на палочке. Девчушка подрастала, помогала матери по хозяйству, Глашка превращалась в милую толстушку.

Матери мясник купил азбуку, вечерами учил её читать, писать, элементарному счёту. Она схватывала науки быстро. Мать даже читала газеты, интересовалась доходностью мясной лавки и, вообще, рассуждала: какое предприятие могло приносить большую прибыль с наименьшими затратами. У неё родилась мысль об открытии ещё одной лавки на другом рынке и даже мясного магазина в жилых кварталах города, где помимо говядины, свинины, баранины и кур будет продаваться рыба, зайчатина, боровая птица, поставляемая охотниками и рыбаками. И жители района, где расположен будет магазин, не станут мотаться на рынок, станут покупать всё близко. За эту идею мясник особенно ухватился. Так прошло четыре года. Мясник копил деньги на магазин, готовился взять Мотю «взамуж».

И всё было бы хорошо, но в округе появилась банда вымогателей. Сначала они выбирали торговцев послабей духом и силой, потом подмяли остальных. Все платили. Некоторые торговцы выступали с протестами, обращались в полицию, но там отвечали: дескать, охрану к каждому не поставишь. Протестующих бандиты подкарауливали, избивали, увечили, убивали где-нибудь в переулках. Мясник свирепел, всадив топор в широкую дубовую колодину, говорил о том, что «какие-то говнюки будут забирать горбом заработанное». Ада, находясь в лавке, помогала матери сортировать мясо. На следующий день три молодца ввалились в лавку. Сначала этак культурно спросили, почему он задерживает плату. Сказали, что придут завтра. И пришли. Из-под стола Ада видела, как двое с двух сторон подскочили к мяснику, подставив ножи к горлу. Собака сидела рядом, скалила зубы.

«Я приготовил», — сказал мясник. Сидевшая подле Ады собака кинулась на бандитов, это отвлекло их внимание. На колоде лежала грязная, скомканная тряпка, об которую вытирали жирные руки, когда обваливали от костей свинину, — она скрывала топор. Схватив его из-под тряпки, мясник нанёс удар одному из бандитов по голове, тот осел, обхватив ладонями лоб. Другой взмахнул ножом, но кисть с ножом ослабла, нож выпал — топор перебил предплечье. Собака уже рвала третьего за штанину, и тот, не целясь, выстрелил в собаку и в мясника. Собака, взвизгнув, распласталась на полу, и мясник упал бездыханный рядом. Тот, которому досталось по голове, лежал с торчащими из темечка мозгами, другой нападавший здоровой рукой поддерживал перебитую руку, орал, корчась от боли. Ада ни жива ни мертва сидела под столом, наблюдала: стрелявший бандит молча подхватил оравшего за шиворот, выволок из мясной лавки, не обращая внимания на перепуганных покупателей и лавочников, погрузил в пролётку, погнал с рынка.

Через несколько минут прибежала Мотя, причитала над убитым мужем. Ещё через час прибыла полиция: записывали показания соседей-лавочников, покупателей, но все мямлили, и толком никто ничего не говорил. Ничего не добившись, офицер обозвал свидетелей овцами, хотел расспросить Мотю, но прибежал посыльный с сообщением, что где-то на другом конце рынка тоже произошло убийство. Офицер побежал разбирать следующее дело.

К вечеру подъехала полицейская телега, погрузили трупы мясника и бандита, увезли в ледник. А собаку выбросили в мусорный ящик. За Мотей приходил околоточный, приказывал идти с ним в участок. Она с Глашкой на руках, с Адой, державшейся за подол, шла на допрос к следователю. Там её допрашивал знакомый уже офицер, но Мотя, действительно, ничего не видела и сказать ничего не могла. Аду не спрашивали — была слишком мала.

Через неделю пришёл новый владелец лавки, привёл с собой молодую девку. Показав какие-то документы, сказал, чтобы Мотя из пристройки съезжала немедленно, дал денег за лавку и нераспроданный товар и заявил, что в пристройке будет жить теперь он и его помощница. Соседские лавочники выражали Моте соболезнования о героически погибшем муже. Но она смотрела на них с презрением — никто не поддержал мужа, когда он призывал объединиться против бандитов, каждый сидел в своей лавке и дрожал: «авось пронесёт», и каждый

надеялся на «доблестную» полицию. «Вся эта полиция сама продажная! — заявлял перед гибелью мясник. — Ходят по рынку, вымогают подачки».

Мотя уже тогда многое понимала и, вскоре после смерти мужа, стала свидетельницей продажности полицейских. Когда её с двумя девочками попёрли из пристройки, не оставалось ничего другого, как идти под мост, чтобы ночь-другую скрыться от дождя. На счастье, лаз под мостом не был занят другими бездомными. Ночь прошла спокойно. Наутро Мотя хотела уйти в поисках работы и жилья, строго-настрога наказав Аде смотреть за Глашкой и за вещами, которые Мотя нажила за эти годы. Глашка, слава Богу, спала. Из укрытия Ада смотрела на тусклые блики воды в Неве, могла считать количество брусчатки, выложенной на дорожке под мостом. По этой неширокой дорожке иногда проходили люди, проезжали пролётки, запряжённые одной лошадью.

Мотя ещё не ушла, когда послышался конский топот, под мост въехала пустая пролётка, остановилась. Правил тот офицер, который будто бы расследовал убийство на рынке и который потом вызывал Мотю на допросы. И в этот же момент с другой стороны дорожки вошёл под мост тот самый бандит, расстрелявший мясника. Он подошёл к пролётке, о чём-то заговорил с полицейским, передал ему толстую пачку бумажных денег. Полицейский сначала улыбался, но потом раздражённо сказал, что лучше платить золотыми, так как среди бумажных часто попадаются фальшивые, да и бумага — не золото. Бандит пообещал, что будут стараться, дал возможность проехать пролётке дальше, сам пошёл в сторону, откуда пролётка въехала под мост. Ада уже понимала ценность денег: на них можно купить и хлеб, и мясо, и одежду, и даже сладкого петушка на палочке.

Мотя и Ада выглянули из убежища, покрутив головами, забились обратно.

Через несколько минут, осмелев, мать ушла; пришла скоро, со счастливыми глазами приговаривала:

— Ой, скорей! Ой, бегом! Такая работа! И комнатка чистая, и тепло, и кормят, — и добавила загадочно: — И весело!

Мотя взвалила на плечи узел с вещами, Ада взяла на руки Глашку, поспешили к Сенной площади.

Мотя общалась с Адой как с подругой, в своих причитаниях и рассуждениях вслух, как бы делясь эмоциями: что в жизни хорошо и почему придерживаться надо каких-то определённых правил. Место, куда привела мать, оказалось публичным домом с вывеской «Весёлое заведение». Там требовалась чистая, здоровая, постоянная, можно сказать круглосуточная, уборщица.

Когда Мотя пришла наниматься в этот дом и сообщила своё имя, мадам возмутилась:

— Мотя-шмотя? Матильда! Звучит! Будешь Матильдой... Нужен медосмотр, — сказала хозяйка строго. — Но не вздумай мыться. Таковы требования... За медосмотр потом высчитаю. Доктор приходящий.

Когда она зашла на приём, доктор оказался знакомым, осматривал её за эти годы не раз в мясной лавке.

«Это Мотька, хорошо её знаю, бабёнка чистая, аккуратная», — сказал он хозяйке. Но для порядка всё же осмотрел. Сказал:

— А чего ж вонючая такая?

— Хозяйка сказала не мыться.

Доктор одобрил:

— Правильно сказала, — осмотрел, дал полтинник. — В баню сходи — и ко мне. Сама знаешь, где живу...

Под утро клиенты расходились, и, примерно, с четырёх утра и до двенадцати девушки отдыхали. Мотя мыла полы, протирала горшки с цветами, выбирала из земли окурки, которые

клиенты тушили, оставляя в земле. Уборка заканчивалась, тогда просыпались девушки. Раз в неделю им меняли постель, она носила бельё в прачечную, ходила с кухаркой на рынок, потом помогала готовить завтрак, обед, ужин. Сначала ела хозяйка, потом девицы. Мотя ела на кухне и в кастрюльке несла в каморку. Ада ела всё, знала почём фунт лиха, Глашка воротила мордёнку. Мотя ставила на полу тарелку, говорила:

— Захочет — сожрёт, — и кидала старшей: — А ты следи.

Через час Глашка сползала с кровати, сама подползала к тарелке, пальчиками вылавливала из тарелки листик капусты, либо кусочек картошки или мяса, начинала жевать первыми зубками. Ада смеялась, начинала кормить её с ложки.

Мотя не роптала на жизнь — всё лучше, чем под мостом.

Увеселительное заведение посещала разномастная публика: студенты, мелкие лавочники, воры-домушники. Однажды к ней подкатили двое, предложили за долю малую прятать под кровать ворованные вещи. Мотя согласилась — за работу в заведении ей почти не платили, а денег иметь хотелось, и девчонок одевать поприличней. Держала узлы и чемоданы, за это воры давали ей немного денег и одежду. Однажды подарили декольтированное платье, оно оказалось впору. Когда Мотя надела, воры ахнули:

— Да ты, молодуха совсем, хороша, фигура — как у баронессы и сиськи — у-у-ух...

Позвали хозяйку. Та посмотрела, поправила платье на Мотиной груди, повела её к себе в кабинет, шла впереди, что-то говорила. Мотя не расслышала, переспросила:

— Чо сказали-то?

— Чо-чо... ЧТО! — поправила хозяйка. — Манерам тебя учить, речи нормальной. Клиенты у нас бывают серьёзные.

И приказала раздеться догола. Мотя разделась, повернулась. Хозяйка пощупала её грудь:

— Смотри-ка, будто не рожала, — и спросила, — ты готова?

Мотя пожала плечами.

— У нас клиенты бывают серьёзные, — повторила хозяйка. — Будешь умницей, поберегу для хороших клиентов. В деньгах не обижу. А там два пути: дорога в хороший дом на содержание, а коли дура — станешь уличной и безносой. И последнее: презерватив — твоё здоровье.

Мотя чувствовала, где ей может подфартить, прислушивалась к хозяйским советам. На другой день её переселили в хорошую комнату с мебелью, с широкой кроватью, застеленной чистым постельным бельём.

«Всё это — для работы, — сказала хозяйка. — Детей сюда нельзя».

Каморку оставила для детей и ворованных вещей. Жизнь налаживалась. Мотя следовала всем советам хозяйки и доктора: прежде чем допустить до себя клиента, осматривала и заставляла надевать резинку, изобретённую доктором Кондомом. С резинкой она стояла дешевле, но придерживалась правила: легче потерять деньги, чем здоровье. Кроме того, многие желали бы обладать прекрасным телом Матрёши — так ласково называли её постоянные клиенты — и соглашались, и сверх тарифа приплачивали. Хозяйка Мотю ценила, как-то ей высказала:

— Все были б как ты, а то красивых девок уводят на содержание состоятельные господа, остаются одни чувырлы. Ты одна у меня верная красавица.

Мотя-Матильда проработала у мадам в заведении пару лет. Постоянным клиентом стал приказчик из галантерейной лавки. Уж он-то пел-напевал романсы про Мотины «очаровательные глазки» и, конечно, обещал жениться. Но женился на дочери хозяина лавки, где служил. И, наконец, белобрысый студентик... Уж такой милый, робкий мальчик, Сонины пепельные кудряшки от него, а васильковые глазки от Моти. Девицы помогали скрывать беременность. Про то, чтоб «скребстись»... Когда она обратилась к доктору, тот обозвал её дурой и сказал,

чтоб рожала, иначе грех: «и детей потом может не быть, как у старухи Фроськи, — дом есть, а дитёв нет».

Роды проходили сложно, ребёнок забрал остатки Мотиной красоты. Хозяйка заведения заявила, что такая, бесформенная и увядшая, клиентов распугает, дала чуток денег и отправила восвояси.

— Очухаешься от родов, возьми обратно.

Добрый, старый и жалостливый развратник-доктор рекомендовал Мотю в ресторан посуды.

— Проверена мною лично. Чистая, — сказал он распорядителю. Её приняли...

Старшая подруга Фроська, ветеранша интимных услуг, купившая халупу далеко от окраины Петербурга, взяла всех к себе, чтобы Мотя-Матильда продолжила спокойно работать.

Мотя вдруг проснулась, в полумраке нащупала спички, зажгла свечу. Стул подле кровати стоял пустой, но подушка была мокрая от слёз. Мотя ещё вспоминала о своей жизни, но чувствовала — уходят силы.

— Девочки мои, — шептала она. — Кто защитит вас?

Она ещё долго перебирала в памяти эпизоды из своей жизни. Потом опять задремала. В углу вдруг увидела ангела в белом, в другом — в чёрном, оба протягивали к ней руки. Белый со слезами говорил: «Ты святая — дочерей спасала от горестной жизни». Другой ворчал: «И губила души других». Мотя снова проснулась. Было утро. Над ней склонились Ада и Сергей. Мутным взглядом она обвела комнату, остановила на Сергее, узнала. Взгляд стал осмысленным, и вдруг она произнесла:

— А этого пачкуна ты... — она замолчала и покачала головой. — Ты!!!

И посмотрела, будто проткнула взглядом сознание Сергея. Задышавшись, стонала:

— Дышать! Дышать!!! — раздирала на груди халат.

Старшие, Ада и Глашка, побежали в аптеку, младшие меняли старухе компресс на лбу; случилось недержание, стали мыть клеёнку, менять простыни.

Сергей рассказал Ивану Ивановичу о намёках Пачковского на расследование какого-то золотого дела. Тот только хмыкнул, покрутив головой, поднялся к себе. «Надо взять трость», — решил Голышкин, но тайник был пуст.

Через неделю Голышкин принёс две газеты, отправил дочерей из спальни, вполголоса прочитал:

— Сегодня утром, шестого числа сего месяца и года, у дома купца Посудина, владельца бакалейной лавки, недалеко от Сенного рынка, был обнаружен труп репортёра Пачковского. Полиция предполагает, что убийство связано с журналистскими расследованиями эксплуатации несовершеннолетних девиц в публичных домах. Потерпевший убит в грудь длинным острым предметом. Полиция расследует происшествие.

Прослушав Голышкина, мама Мотя подняла веки, улыбнулась одной щекой:

— Благодарю, — и шепотом попросила позвать дочерей.

Ада, Глаша, Соня и Маша с перевязанным лицом, все с мокрыми глазами, встали у кровати умирающей. Мотя тяжело дышала. У изголовья Голышкин улавливал её последние слова:

— Слушайте его, милые! Он вам... брат... — она жалобно говорила, что оставляет их с разорённым делом и что, кроме Серёжи, ближе у них никого нет.

Когда она ушла, Сергей закрыл ей глаза, сунул под матрас руку, достал пачку денег, ушёл в другую комнату, мысленно прикидывая, что достанется Матрёниным дочерям. Но не давала покоя мысль: кто постарался за него. Видно, многим репортёришка перешёл дорогу.

Дня через два после похорон к нему неожиданно пришли дворник и городской во главе с унтер-офицером. Унтер сухо сказал:

— Велено вас доставить в участок, — увидев прислонённую к стене у двери трость, добавил вежливо, вкрадчиво: — И тросточку захватите.

Когда Сергей вошёл в кабинет к следователю, там уже сидели лысый хозяин магазина «Джентльмен» и приказчик из отдела тростей.

— Эта трость продана именно этому господину? — спросил следователь, кивнув на Голышкина.

— Эта. Именно этому, — спокойно произнёс хозяин.

— Там кнопочка! — вклинился приказчик, утвердительно кивая.

— Какая кнопочка? — удивлённо посмотрел на него хозяин. — Чего выдумываешь?

Взяв у Голышкина трость, следователь повертел её, нажимал на рукоять — трость была цельной, из крепкого бука.

— Если рассматривать как холодное оружие, вряд ли могла быть использована в убийстве. Разве что долбануть по башке, к остальному не пригодна, — заключил следователь.

— Да нет же... — кипятился приказчик. — Продана в единственном экземпляре! Именно с потайным механизмом и клинком внутри!

— Именно с этой тростью вы видели на прогулках господина Голышкина? — спросил следователь городского и дворника.

Дворник испуганно закивал. Городовой, теребя длинный ус, встал:

— Господин с этой тростью завсегда прогуливался мимо моей будки.

Следователь перевёл взгляд на дворника.

— Видел её, вашбродь, когда они проходили, — торопливо ответил тот.

По приказу следователя трость пытались разобрать — сначала дворник, потом городской. Наконец унтер-офицер с силой ударил тростью о колено. Она не поддалась, не треснула. Тогда он взмахнул саблей — разрубленная трость оказалась цельнодеревянной, лишь с медным наконечником, чтобы не снашивалась о мостовую. Унтер положил обломки на стол, подписал протокол и, козырнув, удалился. За ним вышли городской и дворник.

«Проткнуть человека тростью не представляется возможным», — написал в заключении следователь и отпустил Сергея Голышкина.

Когда хозяин магазина и приказчик вышли из полиции, хозяин сказал:

— Ты оклеветал порядочного человека, подставил меня! Хотел выслужиться? В твоих услугах более не нуждаюсь.

На следующий день хозяин сам стоял за прилавком. Когда в магазин вошёл Голышкин, хозяин удивлённо посмотрел на покупателя. Голышкин сказал:

— Подарив деревянную трость для повседневного пользования, вы предостерегли и спасли меня, будто знали исход. Я бы с вами поработал.

Хозяин суетливо закрыл входную дверь на ключ, повесил табличку «ЗАКРЫТО», приготовил кофе. До вечера шёл разговор. Через неделю в магазине открылся ювелирный отдел. Голышкин стал совладельцем на паях с хозяином, не прекращая работать у Базановского. Лучшие образцы, что пользовались спросом, он копировал и тайно от Базановского продавал через магазин «Джентльмен».

Маленький ювелирный отдел развивался, дело шло. Со временем Голышкин оказался нужен всем. Мама Мотя, ещё за неделю до кончины, через нотариуса объявила свою старшую дочь Аду Александровну опекуницей над остальными сёстрами: Глафирой Константиновной, Софией Фёдоровной, Марией Абрамовной.

Жили они скромно. Ада просила Серёжу помогать ей словом и делом. Он советовал и даже настаивал, чтобы сёстры жили по средствам, а потом заявил: разум дан человеку, и нужно зарабатывать мозгами, а не собственным телом. Он замечал — девчонки прислушивались, принимали его разумные доводы... Сёстры жили в своей просторной пристройке недалеко от

Сенной площади. По согласованию с Адой Голышкин выставил пристройку на продажу. Приходили покупатели, сбивали цену, Ада волновалась, Сергей успокаивал:

— Объявление о продаже, хоть и не к спеху, но покупателей приманивает.

Годы, прожитые в Петербурге, заставили его разбираться в местных ценах на хлеб, колбасу, водку, недвижимость. Он выжидал, куда повернут события...

Глава 3

В министерстве финансов случился переполох: в казначейство из банков, от промышленных и торговых организаций стали поступать фальшивые полуимпериалы. Дело передали в жандармское управление. Сыщики сбились с ног, но результатов не было. В особом сыском отделе начальник орал на филёров:

— Нюх ослаб?! Всех к чертовой матери выгоним, жалованья и пенсиону лишим!

Про фальшивое золото пронюхали журналисты. Газеты пестрели статьями: «Медное золото!», «Бронзовые империалы!». В криминальной хронике писали, как ловили печатавших бумажные ассигнации, но чеканивших «медное золото» выявить не могли.

Голышкин вдруг почувствовал — за ним установили слежку. Утром, выходя из дома покойной Матрёны Ивановны, замечал: его сопровождал какой-то человек. Когда Сергей останавливался — останавливался и сопровождающий; либо, исчезнув из поля зрения, через квартал возникал вновь. У дома на противоположной стороне улицы появился «топтун» — на вид серенький, невзрачный человечек, ходивший от двери до угла и обратно. Иногда он останавливался, из-под козырька серой кепки поглядывая на окна.

Вечером, глядя в глаза Базановскому, Сергей рассказал о слежке. Ни на йоту не изменилось лицо старого фальшивомонетчика — только зрачки в сузившихся глазах глядели в упор, будто сверлили насквозь. Иван Иванович вызвал на второй этаж племянников, в щель между штор дрожащей рукой указал на «топтуна» и сообщил о решении:

— Прекращаем деятельность. Заметаем следы. Не подавая виду, продолжим заниматься основным делом.

— Может, не надо продолжать? И так сыты... — осторожно заметил Дуда.

— Угу, — кивнул в поддержку Дедок.

Базановский не ответил, ещё раз глянул в щель между шторками, кивнул, чтобы посмотрели. На противоположной стороне к невзрачному «топтуну» подошёл такой же незаметный человек. Первый «топтун» как ни в чём не бывало скрылся в переулке, подошедший остался.

«Пасу-у-ут», — протянул Базановский. Глаза его превратились в две узкие щели. Покусывая губы, добавил: «Сегодня же необходимо вывезти пресс». Руки его тряслись пуще прежнего. Решили: «топтуна» отвлекут Глотов и Томилин.

— Приведите их к «товарищам», пусть легавые с ними разбираются, — Базановский глубоко вздохнул и добавил: — Как же они надоели! Из-за них торчим тут. Давно бы на Елисейских полях отдыхали.

Из мастерской Томилин пошёл вдоль улицы; «топтун» поспешил за ним. Из-за угла появился другой, встал на место напротив окон. Глотов тут же отправился в противоположную сторону, второй «топтун» последовал за ним, никто не занял его место. Выждав момент у выхода и глянув по сторонам, с замиранием сердца Сергей пошёл по улице; у переулочка постоял, убедился — никто не следует, свернул в переулок: так было короче до Сенной площади... Но чутьё заставляло оглядываться. Он подошёл к распахнутой двери галантерейного магазина, в котором был и шляпный отдел. С внутренней стороны двери висело зеркало; выходя из магазина, покупательницы ещё раз осматривали себя и уходили довольные. Дверь была открыта. В магазине молодая дама примеряла шляпку. Она посмотрела на подошедшего к двери щеголеватого молодого человека, взглянувшего на неё заинтересованно. С улицы дама казалась ему привлекательной.

Не входя в помещение, в зеркале на двери Сергей вдруг увидел позади себя знакомую фигуру приказчика Рогова, ныне тоже филёра. «Значит, всё-таки не доверяют, — мелькнула мысль. — Может, собственная инициатива Рогова?» В полиции подобное бывало: филёры ревниво относились к успехам сослуживцев, следили друг за другом, чтобы застукать конкурента

за неблагоприятными делами. Ромаевский, однако, говорил Сергею, что у того железное алиби и никаких подозрений. «Значит, инициатива Рогова!» — утвердился в мысли Сергей. Эмоционален, неосторожен, выдал себя: сейчас, наклонившись, делал вид, что завязывает шнурок. Сергей усмехнулся: «Ну как это примитивно». Переулочек был пуст; Сергей хотел было повернуться, подойти, рассмеяться ему в глаза — что было бы обиднее всего для филёра, — но вдруг из переулка вынырнул — у Сергея вытянулось лицо — Базановский. В руках он держал пропавшую трость Сергея. Действия Базановского были быстры и точны. Из трости-ножен в мгновение ока извлёк стилет. Рогов не успел даже среагировать — внимание было сосредоточено на Сергее, — Базановский ткнул Рогова со спины. Тот с гримасой грустного арлекина молча присел, прислонясь плечом к стене. Базановский вытер стилет о его штанину и нырнул обратно в переулок. Стало понятно, кто выкрал трость, кто пришёл журналиста Пачковского.

Молодая дама, с которой он переглядывался, показалась ему знакомой. Вокруг неё крутился приказчик, меняя шляпки одну за другой, подставляя зеркало. Наконец она выбрала одну и уже повернула к выходу, но он вошёл, извинившись и рассыпаясь в комплиментах, спросил таким голосом, будто вопрос стоял о жизни и смерти:

— Ах, сударыня, не будете ли вы так любезны уделить мне несколько минут? У вас прекрасный вкус, вы так похожи на мою сестру. У неё день рождения, и шляпка, как ваша, подошла бы ей, но только другого цвета.

То, что шляпка выбиралась именно для сестры, он вплёл намеренно. Сказал бы «для невесты» — дама могла бы фыркнуть: дескать, в её присутствии говорят о другой женщине. А молодой человек ей понравился. Поэтому Сергей, рассыпаясь в комплиментах, вдруг вспомнил, где и с кем видел эту красавицу — он узнал в ней невесту Ромаевского. Она была дочерью крупного жандармского начальника. Вероятно, поэтому Ромаевский обращался к ней по имени-отчеству — Екатерина Васильевна. Она примерила выбранную им бирюзового цвета шляпку с тремя цветочками. Пока выбирала, он прислушивался, косился в окно на улицу — никакого шума. Очевидно, никто не обращал внимания на присевшего у дома человека, а начавшийся резкий дождь заставил редких прохожих срочно ловить крытые экипажи, пролётки.

Дождь усиливался. Из магазина Сергей взглянул на то место, где должен был находиться Рогов, — на булыжной мостовой виднелись лишь кровавые полосы, уже размываемые дождём. Кто-то уволок тело в подворотню.

— Как же быть?! — воскликнула дама. — Дождь зарядил надолго!

Он поймал крытый фаэтон, подвёл к крыльцу. Екатерина Васильевна указала, куда ехать; он довёз её до дома, выскочил, подал руку, в другой держа шляпную коробку. Она успела спросить его имя и ждала, что он спросит её, но он, простоудушно улыбаясь, склонив голову, воскликнул:

— Я так признателен вам, Екатерина Васильевна, вы выручили меня, сестра будет счастлива. Я ваш должник.

— Откуда вы знаете моё имя? — уставив на него карие глаза, она застыла в ожидании.

— Многие знают вас, восхищены вами. Я тоже. — Дама ушла довольная комплиментом.

На Сенной Голышкин нанял ломовика. Подкатив к двери мастерских, с Дудиным и Дедковым ломами прикантовали пресс к выходу. Обернув рогожей и крепко обвязав верёвками, все вместе погрузили пресс на телегу.

— В колодец, — сказал Базановский племянникам, — только чтоб без свидетелей. — Голышкину: — Ты с ними...

Несколько ломовиков друг за другом тянулись к западной окраине города. Дуда приказал извозчику пристроиться и ехать следом. На окраине миновали полицейский пост; колонна шла вдоль побережья Невской губы к посёлку Стрельна. Пока катили по городу, Голышкин и братья зорко поглядывали по берегам Невы и каналов — белые ночи ещё не закончились, отдельные

парочки гуляли по тротуарам, по набережным — везде были люди. Лишь за городом, выехав к Невской губе, по берегу которой проходила дорога, они остались одни. Остановились возле больших валунов, образовавших подобие горного ландшафта. Здесь дно реки сразу уходило в глубину.

Дуда приказал извозчику повернуть от берега к небольшому брошенному строению. Когда они подъехали и подошли к колодцу, увидели, что он заполнен водой. Дедок молча, расширив ноздри, вдохнул:

— Чё-о-орт! Месяц назад сухим был... Кто знал, что затоплен. В воде всё проржавеет.

— Дожди подняли грунтовые воды, — осторожно вклинился Сергей.

— Без тебя знаем... — проворчал Дуда, соображая, как быть. — Копать тут яму бесполезно.

Чуть в стороне от этого брошенного строения находилось поселение. На окраине, на возвышении, стоял дом, некогда служивший для Матрёны и её дочерей спасением. «Какая-никакая, всё же крыша над головой». Теперь это была не халупа, а дом с отремонтированной крышей, крашеным фасадом. За год до своей кончины Матрёна Ивановна выделила деньги на ремонт, и он приобрёл благообразный вид. Сергей сказал, что это дом его знакомых, и предложил закопать пресс во дворе, а позже перепрятать в другое, более надёжное место.

Подъехав к дому, вместе с ломовиком стащили упакованный пресс на землю. Возница потребовал доплаты: «Далёко пришлось вязти». Чуть прибавив, мужика отпустили. В доме, в чулане Сергей нашёл лопату. Подальше от дома по очереди копали яму, с большим трудом подтащили пресс, опустили, зарыли, отправились ловить пролётку. В предутреннее время в пригороде это оказалось сложно — шли измотанные до самого Петербурга.

Утром пролётка въезжала в переулок, где находилась мастерская Базановского. Жители соседних домов, высунувшись из окон, смотрели на них испуганными глазами. На углу стоял знакомый дворник, словно солдат на посту, с выпученными глазами.

— Чего глазеют-то? — крутил головой Дуда.

Дворник неожиданно крикнул:

— Ильич? Я... Так сказать... Как яво... Того... Этого... — дворник умственно напрягался, но не мог выразить мысль.

— Чего у него там — «того-этого»? — хмыкнув, Голышкин прыгнул с пролётки, но дворник продолжал заикаться, трясаясь, свободной рукой показывал вперёд, в сторону мастерской. Дедок и Дуда перевели взгляды, куда показывал дворник, — там маячили люди, стоял чёрный полицейский фургон. А извозчик, подёргивая вожжами, уже подъезжал к дому. На тротуаре с раскинутыми руками лежал Базановский, с запёкшейся кровью на лбу, рядом двое в чёрном. Один из них на боку, скукоженный, в луже крови, другой на животе, раскинув руки, будто обнимал мостовую.

— Гони! — крикнул Дуда, с размаху саданул извозчика по уху. От неожиданности тот кубарем скатился на тротуар; Дуда перехватил вожжи, ударил ими по бокам лошади, та понесла, звонким цоканьем копыт оглашая улицу.

— Стой! Сто-о-ой!!! — кричали полицейские.

— Живыми брать! — слышался голос офицера.

Дедок из револьвера палил в догоняющих; один полицейский присел, повалился на бок. Беспорядочные револьверные выстрелы заставили зевак мигом отхлынуть от окон. Пролётка остановилась. Подбежавший офицер орал на стрелков:

— Я же приказал — живыми! Болваны!

На козлах, запрокинув голову, лежал Дуда — пуля попала ему в затылок, вылетела из глаза. На дне пролётки, свернувшись калачиком, стонал Дедок. Его осторожно вытащили. Доктор, нагнувшись было над ним, разорвав мокрую от крови рубаху, отстранился — на груди

из маленькой дырки с перерывами фонтанировала кровь, глаза Дедка постепенно тускнели. Доктор, взглянув на офицера, развёл руками.

Голышкин с дворником подбежали к полицейским; Сергей слушал разговоры.

— Те двое первые палить начали, — полицейские показали на «молчаливых». — Их сразу ухлопали, а этот за их спинами прятался, — кивнули на Базановского. — И его заодно.

Голышкин смотрел на лица «молчаливых», как он их называл всё время. Потом долго рассматривал застывшее лицо Базановского: «Он доверял мне, — подумал про себя. — Он пришёл Рогова и журналиста Пачковского». Потом Сергей склонился над Дедком и Дудой, нарочито равнодушным голосом спросил офицера:

— А Томилина с Гловым словили?

— Задержали. Они навели на бомбометателей — и тех сгребли.

— И что теперь? — спросил Голышкин.

Офицер хмыкнул, кивнул на Дуду и Дедка:

— Этим — яма. Живым — следствие, суд, каторга.

— Хммм... — равнодушно протянул Сергей.

— Кстати, твой коллега Рогов погиб, утром нашли в подворотне, недалеко от Сенной...

Ранение такое же, как у Пачковского.

Голышкин, изобразив недоумение, развёл руками. Он опять подошёл к Базановскому, чувствуя к нему жалость. Иван Иванович в трудные жизненные моменты его поддерживал. Сейчас, глядя на Базановского, мысленно прощаясь с ним, Сергей вдруг заметил — на веко старика села зелёная муха, прошлась по ресницам, по переносице, перебежала на другой глаз. Сергей присел, хотел прогнать муху и почувствовал, как незаметным движением руки тот что-то вложил в его руку. Базановский моргнул, открыл глаз, потом второй; муха улетела. Старик осмысленно посмотрел на Сергея, потом скосил глаза на окруживших его полицейских, на лежащих на земле Дуду и Дедка и, показалось, даже подмигнул Сергею, но тут же закрыл глаза.

— Господа, он вроде живой! — громко сказал Голышкин. — Господин подпоручик, доктор, взгляните.

Все сгрудились над Базановским. Доктор щупал пульс...

Через час в кабинете Ромаевского Сергей Ильич Голышкин писал отчёт о своих действиях за последние месяцы. Помянул, что, уже три года являясь агентом сыскальной полиции, выявил подпольную организацию террористов-бомбистов с адресами, где проводились собрания заговорщиков, где хранилось оружие и изготавливали бомбы. Сергей сделал акцент на том, что это он, Голышкин, подал мысль главарю фальшивомонетчиков Базановскому направить Глотова и Томилина предупреждать революционеров, и это помогло выявить адреса опасных государственных преступников. В конце приписал, что «верой и правдой, отдавая все силы, служил на благо отечеству и Государю Императору». Далее, прежде чем описывать события более конкретно, вспомнил всё: кто и что сказал, какие действия произвёл.

И неожиданно его осенила мысль — исполнители, знающие, где зарыт пресс, мертвы, и никто, кроме него, не знает, утоплен ли пресс, зарыт ли в землю или спрятан в другом месте — изложение событий зависит только от него. Он писал в отчёте, что по приказу Базановского с Дедковым и Дудиным они погрузили пресс на арендованный ломовик и вывезли к Финскому заливу, там, перегрузив на заранее изготовленный плот, утопили в Невской губе. Место на берегу, от которого отплыл плот, он запомнил, но где и на какой глубине был затоплен, вряд ли укажет — вода ориентиров не оставляет, но был поставлен буйёк. Брошенный плот уплыл по течению в Финский залив, а мужик, помогавший сгружать пресс с телеги, укатил неведомо куда. До города они шли пешком и лишь у Петербурга наняли пролётку. Теперь он подумал и отложил в памяти: «Ломовик — единственный, кто знает, куда отвезли пресс и где, примерно, он может быть зарыт».

Гольшкин прочитал отчёт, получилось складно, и приписал: «Действия свои производил строго по плану поручика Ромаевского». Польстить посчитал не лишним — нужно втереться в доверие и обезопасить себя от каких-либо нареканий в будущем. Понимал, что операция по поимке террористов и фальшивомонетчиков всё же провалена. Разгромили — да, но главных зачинщиков живыми не взяли, и многие тайны, секреты ушли навсегда. Полицейский прочёл отчёт и приписку о себе, с довольной физиономией сказал:

— Всё так...

Гольшкин понял: Ромаевскому отчёт понравился. Однако, следователь кряхтел, покашливал, будто тянул время, потом спросил, пристально глядя на Сергея:

— Ты раньше писал в рапортах, что ведут они скромный образ жизни. Тогда должны же быть накопления... Не могли же они всё отдавать на нужды террора? Мы обыскали здание, простучали стены, вскрыли полы — и ничего. И другие агенты тоже указывали на их скромный образ жизни. Логика: зачем заниматься столь рискованной работой, чтобы жить аскетом?

— Меня особо к секретам не допускали, — пожал плечами Сергей. — Скорее в курсе Глов, Томилины — они племянники.

— Нашёл родственников, — с иронией произнёс следователь. — По нашим данным, Базановский — мошенник опытный. А то, что пулю схлопотал, — и на старуху бывает проруха, не поостерёгся. Они выдавали себя за семью — прикрытие. Дудин и Дедков — убийцы, за ними не одна загубленная душа, убивали походя. Глов с Томилиным — эти просто мошенники. Базановский — жулик отпетый. Одной рукой подарит медяк, другой душу вынет, растлитель малолетних, как и ты, между прочим. Думаешь, я не знаю? Мне о тебе покойница Мотья рассказывала. — Гольшкин насторожился. — Но ты не переживай, об этом только я знаю. — Ромаевский усмехнулся, продолжил: — Базановский — клиент Мотьи покойной, когда она молодая была. Друг на друга и на тебя капали, писали. Она воровка та ещё. Он бывший ювелир, неплохой, кстати. Вот одна из его работ.

Ромаевский достал из кармана брошь — серебряную, недорогую, с малахитом и серьги в такой же по стилю оправе. Сергей узнал свою работу: это по его эскизам она была сделана. Было приятно, что работу оценили. Но этот эскиз был разработан только на бумаге и лежал в столе, он никому его не показывал.

— А где приобрели? — совладал с собой, спросил он.

— В Гостином дворе. У невесты день рождения, думаю, ей понравится. Недорого, и работа изящная. Пришлось разориться — невеста дочь нашего начальника. Он переходит в жандармское управление.

Сердце Сергея трепетало. Скрывая волнение, он соображал: Базановский копировал и втайне работал по его эскизам. Из разговора со следователем Сергей открыл для себя истину: ни на кого нельзя положиться, все друг на друга доносят, обманывают. Единственное, в чём не прав был Ромаевский, — девочек Сергей не трогал. То ли покойница переборщила, наговорив на него, то ли следователь «на понт» брал.

— Эти молчат, как ни выбивали из них сведения, — продолжал Ромаевский. — Кажется, действительно, не знают. Будет суд. На десяток лет каторга обеспечена.

Как любой талантливый художник, Гольшкин, мысленно представляя будущую свою картину, чувствовал сценарий действия, логику поведения героев, предугадывал результат. «Здание проверили, — подумал он про себя. — Но, если бы было что искать, вероятнее всего, нашли бы. Надо провести там долгое время, чтобы убедиться, есть ли в доме тайник».

— А что будет со зданием? — неожиданно спросил Гольшкин.

— Выставят на торги. — И, прищурившись, спросил сам: — А какой тебе интерес?

— Я — ювелир, художник. Открыл бы там ювелирную мастерскую, художественную школу, проводил бы выставки.

— Помогу, если найдёшь то, что искал сыскной отдел. Достанется дом, может быть, за бесценок, — сказал Ромаевский.

Застраивались окраины города. Участки, которые вчера ещё шли по бросовым ценам, сегодня оценивались в разы дороже. Как предполагал Сергей, Ада без его совета шагу ступить не решалась. Приходили покупатели, за пристройку предлагали цены...

— Главное, не спешить, — спокойно рассуждал Голышкин перед Адой, Глафирой, Софией и уже подростковой Машей. — Место бойкое, всегда цену возьмёт. Продавать нужно, но не спеша...

— Время пришло, — однажды заявил Аде. — Продаём срочно!

Покупатели слетелись; предложившему наибольшую цену пристройка была продана. Через несколько дней главная опекуниша Ада стала обладательницей двухэтажных мастерских. Приводя дом в порядок, девчонки сгребли мусор в кучу к выходной двери. Среди разорванных бумаг, тряпок, палок, сломанных стульев и старой одежды Базановского Сергей нашёл трость — ту самую, которая таинственно исчезла и которой Базановский прикончил Пачковского и Рогова. Он нажал на известную кнопку — клинок с пятнами засохшей крови легко вышел из ножен, и тут же, будто испугавшись, он вернул его обратно. Кучу хлама он решил не выбрасывать — заберёт старьевщик, проезжавший пару раз в неделю с криками: «Принимаем старые ве-е-ещи... Принимаем старые ве-е-ещи...»

— Где была найдена эта трость? — спросил он девчонок.

— В комнате бывшего хозяина, — сказала Глашка.

«Ну вот, — подумал он, — вор у вора дубинку украл».

Не объявляя Аде причину покупки этого дома, Сергей планомерно стал осматривать в нём каждый угол, простукивать стены, лазил на чердак, спустился в подвал, в котором неоднократно бывал.

Вытаскивали пресс без него; он ждал наверху, прислушивался. Базановский бубнил, до слуха доносились отдельные слова: «Понадёжнее, поглубже». Тогда он понял только, что пресс необходимо спрятать, а что ещё «прятать понадёжнее» — значения не придал. Он обследовал всё: потолки, пол и чердак, жилые помещения, мастерские, фундамент дома, крыльцо — не нашёл ни одного места, где мог бы находиться тайник. Он сам попросил следователя поговорить с Гловым и Томилиным наедине — а тот за лёгкой перегородкой сможет всё услышать и ни одного слова не пропустит.

Когда ввели братьев, Голышкин сразу начал с главного — ему поручено провести переговоры. И, вместо десятка лет каторги, за признание — полное, чистосердечное — получат они половину срока, а то и меньше, стоит лишь ответить на вопрос: где спрятан клад?

Глов и Томилин сидели в разных камерах; сейчас, при встрече, глянув друг на друга, казалось, договорились о чём-то. Глов ответил сразу вопросом на вопрос — на сколько им скостят срок, если укажут место, где спрятан клад, и какие гарантии будут им предоставлены.

— С властями документ подпишете, — сказал Сергей.

— Властям верить? — ухмыльнулся Томилин.

— А где пресс? — спросил Глов.

— В Невской губе утопили; на берегу там гора камней навалена, — ответил Сергей. Томилин с Гловым переглянулись, будто поняли, о чём речь.

— А почему не в канале? — опять с усмешкой спросил Глов.

— Белая ночь. Людей полно, парочки гуляют. Пришлось за город катить.

— Ну, там и ищите. — Глов и Томилин смотрели на Голышкина подозрительно.

— Канат привязали? — спросил Глов, внимательно глядя в глаза Голышкину.

— А как же?

— С ящиком? — спросил Томилин.

Голышкин опять внутренне напрягся, хотя внешне был спокоен:

— С ящиком.

Сергей помнил: когда пресс достали из подвала, Базановский требовал, чтобы ящик завязали покрепче: «Неровён час, развяжется!» Но ни о каком буйке речи не было. Он помнил про ящик — в нём находились инструменты и небольшие запасные детали, и среди них две коробки из-под монпансье кажется, с мелкими деталями. Пресс и ящик он сам зарывал, но сейчас сосредоточенно рассказывал и врал, как Дедков сталкивал пресс в воду. Пресс на дне, а буёк на поверхности место указывает.

— Трех с прессом плот не выдержал бы, — пояснял Голышкин. — Дедков один был на плоту.

— Ну-у-у... — протянул Глов.

— Ну и столкнул в воду. Я с Дудиным на берегу ждал. — Голышкин на ходу сочинял. Выходило складно, правдоподобно.

— Значит, напротив кучи камней? — переспросил Томилин. Сергей кивнул.

— Ну, значит, так и есть, — закивал головой Глов. — Всё там.

Неожиданно Томилин молча ткнул пальцем в крышку стола, за которым сидел, ткнул так, чтобы Сергей обратил внимание.

Когда Томилина и Глова увели, Ромаевский вышел из своего укрытия.

— Вроде бы твои показания верны. Сегодня отправимся место искать, — воскликнул он. — Сдаётся мне, в ящике всё и лежало — то, что предстоит найти... — Он прищурился, сказал задумчиво: — Казна должна нас отблагодарить... — чувствовалось, Ромаевского сжигало нетерпение.

Через час они гнали в полицейской пролётке к западной части Петербурга. На берегах каналов было безлюдно, белые ночи заканчивались. Когда выехали на берег Невской губы, над водной гладью стояла сумеречная тишина; ещё можно было разглядеть далёкий берег, а на поверхности, ближе к середине, казалось, был виден буёк.

— Жаль, нет сейчас лодки, чтобы подплыть к буйку! — в сердцах воскликнул Ромаевский. Голышкин мысленно добавил с усмешкой: «Схватиться за канат, вытащить пресс с прикреплённым ящиком, в котором полно сокровищ».

— Вернёмся утром, — буркнул Ромаевский и откровенно в лоб заявил: — Получишь свою долю.

Лицо его выражало вдохновение; впереди, казалось, ждала долгая, счастливая жизнь. В этот раз он сам сел на козлы, Голышкину рукой указал место в пролётке. Сергей обернулся, с усмешкой увидел, как буёк встрепенулся, замахал крыльями, полетел над водой. Это была утка, но он промолчал.

Утром на лодке они тщетно искали опознавательный буёк. Мужики, которых пытались нанять, заявили, что «тамотко глыбко» и ни за какие деньжищи в воду не полезут. Голышкин, изображая на лице неудачу, вглядывался в тёмную глубину. Ромаевский молчаливо сетовал о ненайденных сокровищах: всё решилось бы разом, и не пришлось бы сейчас ходить в штопанных носках и чинёных башмаках. Он с подозрением смотрел на Голышкина. Сергей почувствовал, спросил:

— Может, профессиональных ныряльщиков задействовать?

— Ты место точно указал? — переспросил Ромаевский.

— С этого берега отплывал, — пожал плечами Голышкин. — Вода в Неве холодная, но попробовать могу. И надо бы ещё людей для страховки.

Сергей решил до конца играть роль простачка. Но, вероятно, где-то переиграл — Ромаевский не верил в его искренность.

В должности и чинах Ромаевского не повышали долго, новое звание получил лишь по заслуге. Он устал быть на побегушках; товарищи давно уходили вперёд, получая ордена, чины,

он оставался на вторых ролях. Операцию по разгрому политической организации и банды фальшивомонетчиков начальство сочло провальной: убит полицейский, главарь фальшивомонетчиков ранен и представлял из себя лишь подобие человека разумного — с перевязанной головой лежал в госпитале. Два его подручных многого не знали, а два курьера, которые могли бы рассказать, откуда поступало в Петербург золото, застрелены. И если бы не заступничество жандармского майора, будущего тестя, писать бы следователю рапорт об увольнении. Иногда Ромаевский сетовал на жизнь Голышкину, которого сам же и презирал за его подлое происхождение, и завидовал его мужественным чертам лица. Сергей, понимая это, про себя усмехался, что у Ромаевского, хоть он и получил повышение, дела идут скверно.

Старьёвщик появился неожиданно, ранним вечером, огласив протяжным криком улицы: — Принимаем старые ве-е-ещи... Железо, медь, о-о-олово...

Обычно старьёвщик расплачивался ложками, поварёшками, курительными трубками, детскими свистульками. Голышкин крикнул в окно, чтоб подъехал к двери и забрал вещи. Старьёвщик подкатил совсем близко. На телеге стоял короб с высокими бортами. Подошли Ада с Глафирой и Соней, побросали в короб всё, что собрали. Сергей махнул рукой, чтоб отъезжал — никаких свистулек, поварёшек им не надо, — и хотел уже закрыть дверь, но старьёвщик как-то странно поглядел на него и произнёс:

— А ведь знакомый ты, барин.

Голышкин узнал в нём того самого мужика, что перевозил пресс, который согласился лишь за двойную цену, а потом потребовал ещё доплаты.

— Да-да, вспомнил... Но ты доволен? Не обидели? — спросил Сергей весело.

— Да вроде бы ничо. Только ищут вас, барин, — мужик смотрел с прищуром. — Спрашивали, не нанимал ли кто наших большущу такую вот хреновину перевозить — и показал руками, будто обнимал охапку воздуха. — Я их благородию не сказал ничо. Но вы подкинули б чуток за молчание. А то чегой-то сколь дён удачи нет.

Сергея бросило в жар. Завертелись мысли: «Шантажирует! Тянуть деньги будет! Потом выдаст!» К взмокшей спине прилипла рубашка. Ада, Глафира, Соня, Маша стояли рядом, слушали.

— Ты погодь, — сказал Сергей. — Я не все вещи отдал. Нам-то не нужные, но хорошие, хоть и ношенные.

Сергей сбегал на второй этаж, схватил шубу Базановского, подбитую хорьком, с пушистым лисьим воротником. Сергей хотел шубу отправить посылкой отцу в Сибирь — там, в лютые морозы, старику пригодилась бы.

— И куда ты её, новую? — с расширенными глазами спросила Ада.

Мужик уже встряхивал шубу, цокал языком, было видно — нравилась. Напяливал.

«Как быть, чем ублажить мужика? — лихорадочно рассуждал Сергей. — Денег дать? Возьмёт. Ещё и за полицейскую награду выдаст». Ада вдруг сказала, глядя всё так же расширенными глазами:

— Сергей Ильич, угостите господина старьёвщика водкой!

Она выразительно глянула на Сергея: дескать, не спорь и поторопись. Шикнула на Соню и Машу, чтоб бежали на кухню. И тут же оголёнными белыми руками, вместе с Глашкой, стала снимать шубу с мужика, пахнувшего конским потом и старыми тряпками. Но Ада не подавала вида; Глашка, выпучив глазищи и сморщившись, повторяла вслед за сестрой ласковые слова:

— Ах, господин хороший, дамы просят вас остаться. Вы такой! Му-у-ужественный!

Шаловливые руки гладили мужика по спине и шарили по карманам. Превозмогая брезгливость, Ада полуоткрытой грудью прильнула к его носу с засохшими козявками, из которого пучками торчали волосы. Старьёвщик засопел: впервые за полста лет так близко узрел и ощутил полное, упругое, пахнущее свежестью молодое тело; кроме того, запах дорогих духов кру-

жил голову. Мужик ощерился, обмяк. Ада и Глашка, словно ребёнка, повели его под руки по лестнице. На втором этаже Сергей уже поставил спиртное на стол. Соня и Маша готовили нехитрую закуску.

Мужик сопел, пил первую рюмку, потом вторую, пытался лапать немытыми руками девок.

— Тю-тю-тю! — остановила Глашка его заскорузлую ладонь, когда он полез ей под юбку; положила его ладонь себе на коленку, сказала: — Тут можешь подержаться.

Старьёвщик достал смятые, замусоленные деньги и дорогой серебряный брегет на цепочке, хвастливо показал.

— Убери-и-и! — смеялась Глафира. — Мы бесплатно тебя любим! — с громким чмоканьем посылала ему воздушные поцелуи.

Тем временем Ада налила старьёвщику в большой стакан, подносящая спиртное Соня хмыкнула:

— Сивухи бы ему, а не коньяк переводить...

Закрыв глаза, понюхала горлышко бутылки и, сделав губы трубочкой, выпустила воздух, будто дула на заиндевевшее окно, молвила:

— Прелесть!

Старьёвщик не переставал показывать свой дорогой брегет, пытался вложить его в руку Глафиры, другой лез ей под юбку. Взяв часы, она заинтересованно посматривала, в складках своего платья нашаривала маленький карманчик.

— Отдай обратно! — строго сказала Ада. Глаша с усилием направила руку в его карман, приговаривая:

— Ми-и-иный вы дядечка!!!

Гольшкин стоял рядом, наблюдал, пощёлкивая кнопкой на трости. Ада заметила блеснувшую сталь клинка.

— Рекомендую сходить в полицию к твоему Ромаевскому, а мы уж тут сами... — внушительным тоном сказала Ада.

— Зачем к нему?

— Алиби! — уже с приказной интонацией произнесла Ада и строго посмотрела на Сергея.

В полиции Сергей писал очередной отчёт. Когда вернулся домой, лошади с телегой у двери не было, в доме наведён порядок, из большого полуоткрытого шкафа торчал рукав дорогой шубы. Через сутки в местной газетке в рубрике «Происшествия» Сергей прочёл: «Утром такого-то числа сего года на набережной Обводного канала была обнаружена бесхозная лошадь, впряжённая в телегу. Рядом в канале — труп старьёвщика; полиция считает гибель его несчастным случаем: в карманах погибшего найдены нетронутые деньги, часы. Вскрытие показало наличие у трупа большого количества алкоголя».

После прочтения заметки Сергей внимательно и с опаской взглянул на Аду — в критической ситуации он спасовал, она поступила как опытный криминальный вожак. На момент гибели шантажиста-старьёвщика у него прекрасное алиби — в полиции писал отчёт, в свидетелях весь участок. Ещё раньше Сергей рекомендовал сёстрам ходить в театр на артистические курсы — «в жизни лицедейство пригодится, живём среди людей». Он повторял рассуждения отца: «У волка, рыси, лисы повадки понятные, от кого чего ожидать. Человек же те и зайчиком, и бурундучком прикинется, потом насыдет медведем, в клочья порвёт».

Через несколько месяцев состоялся суд над Гловым и Томилиным. Получили по двенадцать лет каторги где-то в Томской губернии.

В мастерских Базановского был наведён порядок, Сергей даже подумал: «Хоть публичный дом организовывай». Но участь проституток девчонкам претила. Ада стала хозяйкой

удачно расположенного на бойком месте дома. О загородном доме, оставленном девчонкам материной подругой, никто не знал. На деньги от продажи Мотиного борделя, по согласованию с Адой, Голышкин взялся тот дом реставрировать. Стены в нём были кирпичные, фундамент каменный, крепкий. Через четыре месяца дом превратился в приличный двухэтажный особняк с обширным приусадебным участком, на котором построили небольшой сарай и вокруг него высадили саженцы яблонь. Когда Ада, первая из сестёр, поехала на осмотр особняка, оба сидели на козлах, и на вопрос Сергея: «Как погиб старьёвщик?» — она ответила:

— Ты же читал в газетах — утоп.

— Кто помог? — спросил он. Ада спокойно стала рассказывать:

— Ехала с ним на козлах вдоль канала, близко к перилам подъехали. Он качнулся, — Ада корпусом довольно сильно пихнула Сергея, — и в воду... И ко дну.

— И что потом?

— Домой побежала через полгорода. Улицы тёмные, страшно!

— И не жалко? — заметил Голышкин, будто в шутку.

Ада посмотрела со злостью, прорычала:

— Дур-р-рак! Выдал бы он. Знаю я их, чумазах.

Сергею стало стыдно — она из-за него пошла на убийство, а он, пусть в шутку, но укоряет. Тогда Сергей трясся как лист осиновый, поняв, что старьёвщик будет за молчание тянуть деньги, а потом выдаст. И прощай свобода, и мечты о независимой, сытой жизни. Он потянулся губами к её уху. Тонконогая, изящная лошадка, купленная Адой у конезаводчиков, остановилась. Сергей долго шептал Аде ласковые слова, она млела... Очнувшись от забытья, он дёрнул вожжами. Резвой рысью лошадка бежала по грунтовой дороге. Он чувствовал спокойную усталость. Когда подъехали к двухэтажному особняку, Ада залюбовалась красивым фасадом; видя её изумление, он сказал:

— Если б не ты, всему этому пришёл бы конец.

Он смирился, что она убийца, и понял — она спокойно убьёт любого, кто посягнёт на её интересы... Сергей был ей нужен и как мужчина, и как деловой партнёр.

Отреставрированный дом с надстроенным вторым этажом, с изразцами на фасаде Аде понравился. Её комнату он сам расписывал красками. Внутри заканчивалась окончательная отделка, рабочие взяли на пару дней отгул, чтобы постираться и отоспаться. Обойдя комнаты, она заглянула в подвал, спросила:

— Зачем он такой огромный и зачем в стенах большие отверстия выше цоколя?

Глядя в глаза, он усадил её на шаткий стул, чудом сохранившийся, и по его взгляду, интонации она поняла — речь пойдёт о чём-то очень серьёзном. Он стал рассказывать о деятельности фальшивомонетчиков, и о том, какое за это может быть наказание, если раскроется преступление. Помянул, что в древние времена фальшивомонетчикам заливали в рот расплавленный металл из их же монет. Он подробно рассказал о Базановском — ювелире и убийце, но помогавшем ему в трудное время, о молчаливых и угрюмых курьерах, о страшных террористах-бомбистах, совершавших покушения на крупных государственных чиновников. И что Базановский, из опасения за свою жизнь, вынужден был сотрудничать, помогать революционной организации и сам чуть не погиб, и сейчас находится в какой-то специальной лечебнице, где изучают его раненый мозг и психическое состояние; и что Сергей сам задумал заняться этим опасным делом.

Она восприняла его сообщение спокойно, даже деловито, спросила, какова будет её роль в этом мероприятии и какие доходы сулит эта деятельность. Ей, как и Глашке, совсем уже было не по душе обслуживание богатых стариков, им нравилось только их обкрадывать. Через пару недель внутренние работы были завершены, рабочие получили расчёт. Ада и Сергей привезли

Глафиру, с ней провели беседу. В основном говорила Ада. Глафира слушала, затаив дыхание. Когда разговор закончился, спросила:

— А Сонька знает? Она дура и болтушка.

— Мы поговорим с ней, — ответила Ада.

Была привезена закупленная ранее новая мебель, постельные принадлежности. Переночевав, Ада сказала, что и Сонька, и Машка обязаны быть в курсе дел и должны помогать. К вечеру она привезла девчонок; те ходили по комнатам и тоже изумлялись.

Утром ни свет ни заря Сергей взял две лопаты, и впятером в сарае по очереди они стали копать. Через полметра что-то звякнуло; стали копать осторожно, веником смахивая землю с закутанного в тряпки пресса. Тащить станок из ямы было не под силу. Пришлось со стороны, что ближе к выходу, под углом более сорока пяти градусов снять часть земли, потом волоком, подстелив гладкие доски, и, впрягшись, по команде Сергея, тащить. Наконец пресс стоял на краю ямы, его освободили от тряпок, увидели совсем небольшой металлический ящик-сейф, прикреплённый к станине пресса стальной цепью с висячим замком. К удивлению сестёр, Сергей из кармана достал два ключа на колечке. Большим ключом отомкнул замок на цепи, ящик-сейф поставил рядом, а потом унёс в свою комнату.

Пресс оставили от посторонних глаз в сарае, и только с наступлением темноты, отдохнув, девчонки с огромным трудом, также волоком, по смоченным доскам втащили его в дом; и с предосторожностями, чтобы не уронить, с помощью воротов, приготовленных Сергеем, опустили в подвал.

В комнате другим ключом открыл сейф: в нём под болтиками, шайбами, гайками и другими мелкими деталями нашёл две коробочки из-под монпансье. В одной был небольшой мешочек из красного бархата, завязанный туго тесьмой. Когда развязал его, в ладони высыпались прекрасные женские украшения — колъе, серьги, перстни, все с драгоценными камнями, а некоторые с бриллиантами. В другой лежали, завёрнутые в чёрный бархат, три свёртка. Он развернул и ахнул: в каждом играя и переливаясь радужным светом, чистейшей воды бриллианты. В первом были бриллианты помельче, в другом средней величины — с высушенную горошину, в третьем лежали бриллианты величиной с боб, разной формы огранки. Они сияли словно звёзды на ночном небе. Налюбовавшись прекрасным зрелищем, он не выдержал, позвал Аду. Заворожённые, они не могли оторвать глаз и долго любовались сиянием.

Прошло совсем немного времени, в комнату вбежали чумазые Глафира, Соня и Маша. Ада дала им возможность вдоволь налюбоваться зрелищем

Сергей приносил книги по металлосведению, рассказывал о процессах плавления, изготовлении чеканных форм. Ада и Глафира впитывали знания с интересом, понимая, что это поможет сёстрам избавиться от того, чем занималась их мать. Но металлургия мало занимала Машку и особенно Соньку. Они понимали выгоду, но воспринимать градусы плавления металлов, доли каждого металла в сплаве было тяготно. Гораздо приятнее обворовывать старых сластолюбцев.

Сергей сам чувствовал пробелы в знаниях, ему не хватало практики. Полностью, до мелочей, деятельность фальшивомонетчика была пока недоступна. Несколько монет они всё же отчеканили. Но, даже только взглянув, сразу была видна подделка. Требовался мастер.

Идею подала Ада. Спросила:

— А как твой Иван Иванович?

Голышкин из полицейских источников знал: Базановского обследовали опытные специалисты зарождавшейся нейрохирургии, но как ни просило полицейское начальство о скорейшем излечении Базановского, что помогло бы в расследовании его преступлений, светила науки разводили руками: «Человеческий мозг, его деятельность пока не изучены и не доступны пониманию. Может быть, в будущем, двадцатом веке. А пока остаётся только изучать».

Ада сказала задумчиво:

— Он же не в «дурке» сидит, не буйный и не с уголовниками за решёткой. В Петропавловской больнице содержится.

Для Сергея это был единственный шанс: без знаний Базановского пришлось бы отказаться от идеи, и жаль было потраченных сил и средств. Пришлось бы девчонкам возвращаться к деятельности мамы Моти, приносящей более приличные доходы, чем честная торговля...

Глава 4

В Петропавловской больнице на Аптекарском острове Ада уже месяц мыла полы. В простом служебном платье она забиралась шваброй в самые дальние уголки под кровати, под тумбочки. Где шваброй не достать, тянулась руками. Смотритель больницы, отвечавший за хозяйственный персонал, и особенно старшая сестра были довольны: проходя с проверкой, они отмечали палаты, которые она убирала, как самые чистые.

Также в обязанности Ады входило собирать грязное бельё в тюки, грузить на повозку и отвозить в прачечную. Забор всё никак не могли перенести, чтобы прачечная оказалась на территории, — у администрации вечно не доходили руки. Ада по счёту сдавала грязное бельё и по счёту принимала чистое.

Больные Аду любили. Всем она улыбалась, говорила ласковые слова, ей дарили игрушки, куклы, цветы. Один богатенький расщедрился — подарил перстенёк с изумрудом. Когда она грузила тюки, выздоравливающие помогали ей закидывать их в повозку. Сестра-хозяйка, принимавшая бельё из прачечной, с усмешкой советовала не напрягаться самой, а нанимать «симулянтов» — так она называла всех ходячих без явных признаков болезни.

Добрых слов и улыбок Аде было не жалко, она расточала их и молодым врачам. В работе безотказная, стоило поручить ей мыть полы в неврологическом — она безропотно кивнула. Месяц назад устроилась санитаркой, сказалась бесквартирной, и в полуподвале ей выделили угол с кроватью. Тут хоть днём, хоть ночью можно попасть в любую палату, и она подгадывала мытьё к обходам врачей. У двух палат, отведённых под нейрохирургию, замирала за дверью, слушала. Третью, совсем маленькую комнату, по настоянию полиции выделили для Базановского. Пациент почти никогда не ложился, сидел на кровати смирно, покачиваясь, как китайский болванчик, и глядел в одну точку бессмысленным взглядом. После обхода дверь запирали на ключ, в окне темнела решётка.

— Попробуйте вернуть ему разум, — заявил жандармский полковник, определяя Базановского в эту комнату. — Пациент необходим для следствия.

Когда Аду позвали мыть пол под присмотром охранника, она мыла, приближаясь к старику, старалась поймать его взгляд, убрала платок, открывая волосы, — давала возможность себя рассмотреть. И в какой-то момент заметила, как у него дёрнулись зрачки, метнулись к ней и тотчас вернулись в прежнее положение. Сердце ёкнуло: «Узнал!» Протирая пол у его ног, когда охранник выглянул в коридор, она прошептала чуть слышно:

— От Серёжи Голышкина привет.

Он продолжал покачиваться, но посмотрел на неё осмысленно.

— Время придёт, мы вытащим вас отсюда, — шепнула она.

— Каким образом? — спросил он так же тихо, не прекращая качаться. Она не ответила — сама ещё не знала.

Больницу регулярно навещали жандармский полковник и следователь. Пожилой профессор объяснял им:

— Внешне пациент здоров, но абсолютно не реагирует на физические и эмоциональные раздражители. По несколько дней не проявляет интереса к еде: дадут — съест, но не набрасывается, как голодный; не дадут — не попросит.

— Молчит, не ищет общения, — добавлял худощавый молодой врач. — Вряд ли он станет вам полезен в ближайшее время. Третий месяц наблюдаем.

При полицейских врачи спрашивали Базановского о самочувствии, может ли он отвечать на вопросы. Тот в ответ лишь кивал с неизменной улыбкой.

«Он уже четвёртые сутки ничего не ел, — сказал молодой врач. — Отказывается. Мы даём воду с мёдом, воду пьёт».

Полковник велел принести из пищеблока овсянку. Молодой врач стал кормить старика с ложечки. Потом полковник приказал врачам выйти. Едва за ними закрылась дверь, он заорал так, что отошедшие к концу коридора врачи обернулись. Молодой рванулся назад, но профессор удержал его, зашипел на ухо. Тот остановился. Из палаты доносились иступлённые крики:

— Ты скажешь, куда спрятал?! Будешь молчать?! Скажешь?! Скажешь?!!

Базановский в ответ только покачивался и кивал.

Следователь взглянул на полковника, тот кивнул. Со всего маха следователь ударил старика по голове. Старик упал на пол, затрясся, замычал.

— Заканчиваем, — сказал полковник. — Ничего не добьёмся. Так и доложу начальству.

— А с ним что? — спросил следователь.

— В жёлтый дом пусть отправляют, — сухо ответил полковник.

Они усадили Базановского на табурет, долго вглядывались в его глаза, но взгляд, устремлённый в одну точку, и мерное покачивание головы говорили сами за себя. Выглянув в коридор, следователь позвал врачей. Те поспешили в палату, принялись осматривать пациента.

— Ваш пациент в целости и сохранности, — улыбнулся полковник. — Вы правы, для нас интереса он не представляет.

— Роскошь — идиоту лежать в такой больнице, — сказал поручик. — Напишу рапорт о переводе в жёлтый дом.

— В вашей власти, господа, — склонил голову профессор. — Но если бы отдать его в семью, где особый уход, тёплое отношение...

— Исключено! Семьи у него нет, — оборвал полковник. — Готовьте к переводу.

— Мы хотели закончить эксперимент, нужен ещё месяц, — встрепенулся профессор.

— Что за эксперимент? — насторожился полковник.

— Мы думали подселить к нему женщину, чтобы окружила заботой, создала семейную обстановку, — заговорил профессор. — Обычно больные расслабляются от доброго отношения. Наша служащая фиксировала бы все изменения. Хотя это не совсем нейрохирургия, но мой молодой коллега, психиатр, настаивает.

— В чём же проблема? — спросил полковник.

— Подыскиваем подходящую женщину, — ответил молодой врач.

— Хорошо... Науке — месяц. Не больше.

Ада мыла пол в коридоре и слышала, как полковник, широко шагая, выговаривал подчинённому:

— Втравили вы меня в эту историю! Из-за ваших фантазий потеряли время и силы. Я, как мальчишка, поддался, начитавшись Стивенсона.

«Срок — месяц», — повторила про себя Ада. Вопросы замелькали в голове: «Что делать? Как помочь старику бежать? Окно с решёткой, дверь на замке, ключ у охранника и врача. Выкрасть? Как? Стоп! Они мужики — значит, кобели. Увидят голую ляжку, рядом я — доступная. А там Бог поможет». Она перебирала варианты: «А если не сработает? Врач верен долгу, да мало ли причин. Охранник — мужлан, только с начальством говорит. Прикинуться Базановскому мертвым? Он бьётся о стену, разобьёт голову. Кровь. Много крови... Его в морг, на вскрытие... Вскроют другого? А если другого мертвеца не будет? Сделать так, чтобы был...» Мысль застряла. «Потом провести через ворота. Обычно выздоровевшего сопровождает родственник или персонал. Могу я. У ворот его встретят Глашка, Сонька, Машуня, Сергей. Нет! — сморщилась Ада. — Сергея не надо, вдруг узнают. Три девки, будто дочери. Или женой прикинуться? Ха! Жена!» Она вспомнила, как он, старый хрыч, желал её, когда она была совсем юной. Мать не дала. А он другой девчонке двести рублей подарил. Ада тогда позавидовала — мать по праздникам по два целковых давала, в приданое копила. «А всё ж Базановского спасать надо, — решила она. — Упекут в дурку — оттуда не вытащишь».

Вечером, встретившись с Сергеем, она рассказала о своём плане. Он возразил: девчонок не надо, привлекут внимание. Что касается больницы — лучше самой попроситься ухаживать. Но это на её усмотрение. Лучший вариант: если какой-нибудь безродный умрёт, с ним на одной телеге, на кладбище для бродяг, можно отправить Базановского. По дороге покойник воскреснет, и похоронят пустой гроб. Сложность — заключение врача о смерти.

— Я постараюсь, — задумчиво сказала Ада.

Молодой худощавый врач сидел в ординаторской, писал в журнале. Ада мыла пол, подоткнув подол выше колен, сверкала белыми ляжками; когда наклонялась, расстёгнутый ворот падал, открывая грудь. Врач, хоть и видел обнажённых пациенток, но к молодым сёстрам относился скорее как к коллегам — застенчивый, одинокий, он жил при больнице и всё свободное время отдавал науке. Сейчас он почувствовал, как его неудержимо потянуло к этому юному телу.

Через день Ада явилась в лучшем платье, с глубоким вырезом, прошла мимо, оставляя шлейф дорогих духов. Врач, словно голодный пёс, потянул носом:

— Сударыня, не узнал вас. Неужели вы — вчерашняя санитарка? Что заставило вас больше месяца мыть полы в нашей больнице?

Она томно приподняла ресницы:

— Спор с подругами. Кто дольше проработает на самых грязных работах. Мне выпала ваша больница.

Она пожирала доктора глазами, чувствуя, как ему хочется обнять её, прижаться лицом к её тёплой груди. Она приблизилась, обвила рукой его длинную шею; он, теряя самообладание, задрожал и привлёк её к себе. Ада сунула свободную руку в широкий карман его халата...

— Погоди, — прошептала она. — Я должна подготовиться.

Чмокнула его в сухие губы. Он покорно вздохнул, отпуская.

— Жди, я скоро, — сказала Ада и поспешила в свой подвал — делать слепок ключа. Но по дороге её перехватила старшая сестра:

— Эк вырядилась! — и добавила приказным тоном. — Там у выхода тюки с бельём, отвези в прачечную, повозка ждёт.

— Они тяжёлые, — поморщилась Ада.

— Найми «симулянтов», — усмехнулась старшая сестра, ещё раз оглядывая Аду. Та покорно склонила голову.

Путь лежал мимо палаты Базановского. Внезапно её осенило: «Зачем слепок, если ключ уже в руках? Зачем искать „симулянтов“, просить кого-то грузить — есть Базановский!» Она сунула ключ в скважину, замок щёлкнул. Ада юркнула в палату. Услышав щелчок, Базановский мгновенно сел на край кровати, как прежде покачивая головой, уставился в одну точку.

— Хватит дурака валять! — прошептала Ада. — Это единственный шанс. Следуйте за мной!

Она быстро пошла по коридору, старик, шаркая шлёпанцами, засеменил следом. У выхода он помог погрузить тюки. Возница отошёл поправить упряжь, и Базановский незаметно залёг между тюками. Повозка миновала ворота. Охранник даже не взглянул на грязное бельё — дремал, сидя в будке. За воротами Базановский вылез.

— Жди на скамейке, — шепнула Ада.

Старик сел на скамейку, подставив лицо вечернему солнцу, и косил глазом вслед повозке.

Подъехав к прачечной, повозка остановилась. Мужик-возница, работник хозчасти, упёршись локтем о колено и подперев ладошкой щёку, хотел было подремать, но Ада властно приказала возчику сгружать тюки. Тот кричал, держась за поясницу, — спина болела. Она пересчитала грязное бельё, потом чистое. Возница загрузил тюки. Когда въехали на территорию больницы, охранник, закрыв ворота, зевнул — проверять тюки было скучно.

Аде стало жаль молодого доктора, он казался таким беспомощным. Взмыв на второй этаж, она заглянула в ординаторскую. Он всё ещё писал в журнале. Подошла со спины, нагнулась, шепнула:

— Заждался?

Доктор зажмурился от её прикосновения. Ада сунула ключ обратно в карман его халата. Проговорила ласково:

— Сегодня никак! — поцеловала его в губы. — Завтра.

И выпорхнула. Доктор долго сидел с блаженной улыбкой, вдыхая аромат её духов.

Полиция перетрясла больницу. Никто из больных и служащих не вспомнил, чтобы кто-то проходил мимо палаты Базановского. Охранник мямлил: «Да вроде никто за ворота не выходил. Только кастелянша бельё вывозила, она и заехала с чистым обратно.» Служащий-возница жаловался: «Новая кастелянша меня совсем заездила, я ей про спину говорил, а она другого помощника пожалела — на скамейке оставила». В полуподвале, в углу санитарки, на аккуратно заправленной кровати сидела кукла, на подушке лежал сложенный халат, а на нём поблёскивало золотое колечко с маленьким изумрудом.

Охранник у ворот лишился места. Молодого доктора, как ни доказывал, что ключ всё время был при нём, а сам он заполнял журнал в ординаторской, пока его не сменили, руководство попросило подать в отставку. Отправили его земским врачом в ссылку, куда-то в таёжную глушь. Выиграла от скандала только сестра-хозяйка: она приписала себе месячную работу Ады и получила деньги.

Девчонки готовили старику вкусную еду, водили в баню, растирали его старое тело маслами. Ещё раньше Сергей нанял рабочих, и за сараем возвели баню и бревенчатую пристройку, дышалось в ней вольно и было тепло. Когда старик набрался сил, Голышкин показал ему подвал с налаженным прессом и плавильней, посетовал на проблемы.

Иван Иванович дотошно расспрашивал: велики ли запасы металлов, кто будет сбывать монеты. Раньше эти функции брала на себя революционная организация, у него не было заморочек. Теперь перед Сергеем вставала куча проблем: золота, приносимого в скупку, не хватало. Он пробовал сплавы, но цвет отличался — чуть краснее или желтее. Переплавлять настоящие империялы с медью и серебром было накладно. За свои услуги — знания плавки и чеканки, восстановление связей со сбытчиками — Базановский запросил пятьдесят процентов.

— Иван Иванович, — взмолился Сергей, — мы тебя спасли. Ада, чтобы втереться в доверие, говно из-под больных выносила, рисковала. Я подготовил базу. Нужны твои знания, но половина — много.

— Должен же я поторговаться, — ухмыльнулся Базановский. — Ладно, тридцать процентов! Это последнее слово. А теперь о деле: добудь мне облачение священника, а Аду, Глашку, Соньку наряди монашками. Монашество внушает доверие. Будешь возить меня по местам, которые я укажу, девки пусть сопровождают, уму-разуму набираются. Но пролётка мала, нужен закрытый экипаж. Ты на козлах, чужих не надо.

Сергей возил Базановского по опасным петербургским углам. Встречали их приветливо — старика в криминальном мире знали и уважали. Однажды Базановский заехал в частный коммерческий банк. Долго говорил с хозяином, потом позвал Сергея и девушек. Они встали в ряд. Директор, поправив бакенбарды, всмотрелся в лица и сказал: «Свободны». Когда сели в экипаж, Базановский, с видом человека, завершившего дело, объявил:

— Это главный клиент. Без него и начинать бы не стоило. От нас требуется только качество.

Дело пошло. Базановский следил за выплавкой и чеканкой. Сергей не раз сравнивал монеты с настоящими — не мог отличить ни по звону, ни по блеску. Ада и Глафира с Сергеем

ездили к клиентам. Большую партию оставляли в банке, получая настоящие ассигнации. Иван Иванович ездил на Урал, возобновил нелегальные поставки золота с приисков.

Через каждые пару месяцев очередную партию отвозили банкиру. Когда подсчитали прибыль, у всех загорелись глаза: несколько таких сделок — и они будут сказочно богаты. Базановский заметил их возбуждение и решил охладить пыл:

— Если завалим Петербург фальшивками, тайная полиция и министерство финансов быстро всё обнаружат. Тогда кранты. Поймают — не будет вам ни суда присяжных, ни дорогого адвоката. Кости переломают и повесят как государственных преступников. В прошлый раз жандармы охотились за революционерами, потому я и выжил. А что ты на меня не донёс, я знаю, мои люди сообщили. Рогова я твоей тростью пришил, потому что предупредили: он за тобой следил и мог сорвать спасение прессы. Я за этот пресс, списанный с монетного двора, половину состояния отвалил. Люди слабы, все покупаются, все хотят сытой жизни. Вот эти двое, полковник со следователем, тоже не о государственном деле пеклись, о своём кармане. Ну да бог с ними, сломят шеи. И вот ещё что...

Он замолчал, словно застыл на стуле, потом очнулся:

— В молодости у меня кошка была. Умная, как собака, тапки приносила. Бок у меня болел — ляжет, греет, и боль проходила. Долго жила. Перед смертью задние лапы отказали, а она приползла ночью к кровати, передними упиралась, голову вытянула, уставилась глазищами — смерть чуяла. Завыла и опустила голову на лапы. И я чую: ноги холодеют по ночам, днём еле хожу, сердце замирает. Помру — ваша лафа кончится. Фальшивомонетчиков власти не щадят. Так что стоит ли монету гнать? Закройте дело после моей смерти. Меня никто не заменит, разве что Томилин с Гловым. У них чутьё к металлу, я их много лет назад взял, научил, потом в монетный двор устроил.

Через месяц Базановский умер. Лёг вечером, а утром нашли его на полу у дверей — не хватило сил выползти. И, как он предрекал, с чеканкой начались проблемы. Первую пробную партию Сергей и сёстры отвезли банкиру Меркурьеву. Тот осмотрел каждую монету, сыпал обратно в мешочек и сказал, разгладив бакенбарды:

— Первый же лавочник, который хоть раз держал в руках червонец, заявит на вас. Вы год работали под руководством Ивана Ивановича, царствие ему небесное, и к чему пришли?! Пуговицы вам штамповать, а не деньги!

Он подозвал Аду, Глафиру, Сергея и, указывая на брак, тыкал их, словно котят, носом в монеты. Сергей молчал. Банкир добавил:

— Ещё раз сунетесь — сам сдам в полицию. У меня свои люди на высоких должностях.

Время шло. Ювелирная мастерская, открытая в доме Базановского, едва сводила концы с концами. Клиенты уходили к поставщикам императорского двора — Хлебникову, Овчинникову, Фаберже. Зацах и ювелирный отдел в магазине «Джентльмен». Хозяин, разведя руками, сказал: «Невысокий доход», — и дал понять, что прекращает отношения, когда Сергей в очередной раз пришёл за выручкой. Тайные поставщики с уральских приисков со смертью Базановского исчезли.

Ещё через год неожиданно заговорила о наследстве Соня. Ада резонно возражала: рано или поздно, как говорил Базановский, «лафа» кончится. Деньги, заработанные на первых сделках, и собранные матерью по рублику, можно спустить и остаться ни с чем. Ада настояла хранить общие средства в сейфе в её спальне — в банк нести опасались: банки лопались, люди теряли накопления.

— Это — на общее дело и на приданое, — объясняла Ада. — И мало ли что случится. Подстрахуемся.

Сергей соглашался. Жили скромно, тихо. Сергей искал прибыльное дело, но чувствовал, что ему не хватает деловой жёсткости, сметки — художник в душе брал верх. Ада постепенно брала на себя ответственность за решения, он не противился.

Но взбунтовалась Соня. Влюбилась в какого-то красавчика, выдававшего себя за сына адвоката. Ада, как старшая, согласия на брак не дала, а про деньги сказала: «Получишь, когда повзрослеешь». Глафира поддержала, Маша была мала, чтобы что-то решать. Но созревшая Соня — грудь выпирала из кофты — требовала своё. Ада вразумляла:

— Войти в девичью пору — не значит повзрослеть. Он не тот, кому можно довериться. С родителями не познакомил, к нам ни разу не заглянул.

Смешливая прежде Соня негодовала, билась в истерике:

— Убегу! Руки на себя наложу!

— Пусть придёт и попросит твоей руки, — резонно отвечала Ада.

По старым маминым каналам Ада навела справки и чутьё не подвело: красавчик оказался неудачливым карточным шулером, не раз битым в игорных заведениях. Он искал зажиточных женщин, обещал жениться, получал деньги и исчезал. Когда Ада рассказала Соне правду, та будто оглохла — словно бес вселился, требовала денег.

— Нет, нет и нет! — отрезала Ада.

Соня затаилась. В одно прекрасное утро она не вышла к завтраку. Сёстры обнаружили её комнату пустой. Исчезли два мешочка с забракованными фальшивыми червонцами и пятирублёвиками, которые лежали в тайнике в подвале. Исчезли Сонины платья, её апостольник⁷ и ряса⁸. А из Адиного шкафа пропало любимое платье с глубоким вырезом.

Соню искали, объехали все зланные места. В игорных заведениях расспрашивали о смазливом малом с белокурой девицей. В одном ресторане пожилой официант, знакомый Сергея, бывший его осведомитель, сообщил, что несколько дней назад, подслушивая у отдельного кабинета, слышал, как молодуха, видимо, под хмельком, щебетала о каких-то сокровищах в подвале загородного особняка и сейфах, набитых драгоценностями. Ада, слушая, покусывала губу, тяжело дышала. Глафира угрюмо молчала. В конце официант достал из кармана золотой пятирублёвик:

— Вот, получил за услугу. Хотел в кассу сдать, да пригляделся...

Сергей, Ада и Глафира узнали свою монету — смещённый гурт, рябая поверхность, явный брак.

— Куда мне с ней? — растерянно произнёс официант. — В полицию? Затаскают, а у меня семья. Хозяин выгонит.

— Пойдёт как вещдок, — соврал Голышкин, изображая служителя полиции, забрал фальшивку и достал из кармана настоящую монету, отдал просявшему официанту. — Компенсация. Только никому... — приложил палец к губам.

Домой, в свой посёлок, ехали молча. Перед тем как разойтись, Ада задумчиво сказала:

— Говорят, любовь слепа... — и вздохнула. — Ох, боже мой! Что будет?

Глафира взорвалась:

— Предупреждала! Ненадёжная Сонька! Папаша её, мать говорила, полный дурак из всех наших отцов. Дурак из дураков, в него и пошла.

— Я баню истопила, — вышла на крыльцо Маша. — Если хотите, идите первые.

— Не до бани сегодня, — сказал Сергей, Ада кивнула.

— Я пойду. В пристройке заночую, — решила Глафира.

— Я с тобой, — отозвалась Маша.

⁷ *Апостольник* — это платок с вырезом для лица, покрывающий голову, плечи и грудь монахини.

⁸ *Ряса* — верхняя длинная одежда с широкими рукавами, носимая монахами, священнослужителями и послушниками.

В спальне Сергей сидел на кровати не раздеваясь, смотрел на огонёк лампы. Мысли не давали уснуть. «Гадина! Дура! Сцапает полиция — язык развяжет, всех заложит». Он взял трость, стоявшую у изголовья, щёлкнул кнопкой — между ручкой и тростью сверкнуло лезвие. «Прирезать бы дуру! Утопить в канале, камень на шею... Скелет через десяток лет найдут — в Неве вообще не найдут». Лампа закоптила, Сергей подкрутил фитиль, огонь загорелся ровно. Откинулся на подушку, с тростью в руке задремал. Снились монеты, настоящие золотые червонцы, и приятная жена Ромаевского.

Недавно он встретил её в магазине, она примеряла очередную шляпку. Когда выбрала, он заплатил. У магазина торговали цветами, он преподнёс ей лучший букет. В закрытом фаэтоне ехали через весь Петербург, она прильнула к нему, шептала: он рыцарь, он самый лучший, она давно искала встречи. В гостинице впилась в его губы, в экстазе царапала плечи, спину, рычала, как голодная тигрица. Потом он спросил:

— А как твой поручик?

Она долго молчала, потом ответила:

— Этот козёл пошёл на повышение.

Она сама рассказала, что из больницы сбежал опасный преступник, ниточка к фальшивомонетчикам оборвалась, и отца понизили, а муженёк в рапорте указал, что предупреждал о недостаточной охране, и получил досрочно повышение. В банках, в лавках опять пошли фальшивые монеты. Поймали какую-то припадочную старуху, которая хотела расплатиться за копеечную еду фальшивым червонцем, а она умерла в участке, газеты подняли шум о пытках.

Он встречался с ней ещё несколько раз, а потом она укатила за границу с каким-то студентом, даже не простилась. «Стерва! — выругался про себя Сергей. — Адка так бы не поступила».

Сейчас он спал.

Над посёлком поднялась яркая луна, осветила верхушки деревьев, крыши особняков. Сторожевые псы лежали у конур, положив головы на лапы. Глафира с Машкой попарились, напились чаю и в тёплой пристройке сопели в подушки. Никто не слышал, как к забору подошли пятеро. Один остался на шухере. Четверо перемахнули через забор и остановились у двери двухэтажного дома. Лунный свет выхватил смазливое лицо одного из бандитов. Тот достал ключ, сунул в скважину, повернул — дверь приоткрылась. «Не обманула дура», — шепнул он.

— Расположение дома помните? — спросил строго.

Бандиты кивнули.

— Свечи?

Бородатый достал из кармана свечи, стянутые вчера в церкви. Осторожно ступая, они поднялись на второй этаж, сверяясь с планом на бумажке, остановились у одной из дверей.

Сергею снилось, что Екатерина Васильевна нежно целует его, смотрит ласково, но вдруг её лицо исказилось, она закричала визгливо: «Что надо?! Пошёл прочь!»

Сергей проснулся. Из Адиной спальни доносился пронзительный визг, отдельные крики. Лампа погасла, но луна ярко освещала комнату. Визг прекратился, потом возник снова, в соседней комнате что-то грохнуло, будто упал шкаф. Сергей вскочил, с тростью в руке выскочил в коридор и вмиг очутился в дверях Адиной спальни.

Комнату освещала большая свеча, вторую зажигал и устанавливал на комод бородатый детина. Двое других держали Аду за руки, один зажимал ей рот, другой — молодой, смазливый — приставил нож к горлу и шипел: «Не ори, сука!» Четвёртый, найдя в тумбочке связку ключей, возился у сейфа, встроенного в стену, дрожащими руками перебирал ключи. Ключи не подходили. Бандит нервничал, рычал:

— Какой ключ от сейфа?!

— Да тут он, Сонька говорила! — прошипел смазливый и рванул на груди Ады рубашку, обнажая полные груди — меж ними на шёлковом шнурке висел небольшой серебряный ключ.

Он рванул шнурок, но тот лишь оставил на шее багровую полосу. Тогда он поддел шнурок ножом, сорвал и кинул ключ бандиту. Тот вставил ключ, дверца распахнулась. В сейфе лежали две коробки из-под монпансье и мешочки. Один мешочек был открыт, в нём поблёскивали золотые империалы. Бандит достал коробку, открыл. Радужное сияние крупных бриллиантов, преломляя свет свечи, заиграло на потолке и стенах. Возглас восхищения огласил спальню. На мгновение все замерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.